

Минску — 900 лет

Э. М. ЗАГОРУЛЬСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО БССР
МИНСК 1963

9(СЗ)1
314

Художник И. Н е м о г а й

СВИДЕТЕЛЬ- СТВО СОВРЕМЕН- НИКОВ

К далеким временам вешего Бояна восходит начальная история Минска. Но она освещена источниками крайне скупо. Впервые Минск появляется на страницах летописи под 1067 годом в связи со следующими событиями. Полоцкий князь Всеслав Брючиславич неожиданно нападает на Новгород и овладевает им. Разгневанный Изяслав, князь киевский, вместе со своими братьями переяславским князем Всеволодом Ярославичем и черниговским Святославом Ярославичем, поделившими между собой власть на Руси после смерти Ярослава Мудрого, несмотря на суровую зиму, немедленно выступили походом против Полоцка. Где-то в конце февраля или самом начале марта 1067 года объединенные силы киевского, переяславского и черниговского князей оказались под Минском. «И подошли к Минску, — рассказывает летописец, — и минчане затворились в городе. Братья же взяли Минск и перебили всех мужчин, а женщин и детей захватили с со-

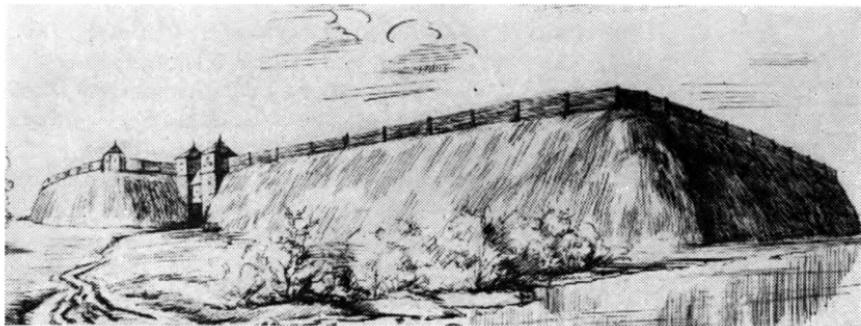

бой как военную добычу и пошли к Немиге, и Всеслав пошел к ним навстречу. Они встретились на Немиге 3 марта; и был снег великий, и войска пошли друг на друга. И был бой жестокий, и много людей пало, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод. Всеслав же обратился в бегство». Так нам стало известно о существовании Минска.

Большим горем отозвалась на Руси Немигская битва. С болью и укором вспоминает о ней автор «Слова о полку Игореве»: «На Немиге снопы стелют головами, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны, засеяны костями русских сынов».

В то время как под стенами Минска лилась русская кровь, из далекой Тмутаракани прибыл в Чернигов черноризец Киево-Печерского монастыря, крупный церковный и политический деятель Руси Никон, чтобы просить у Святослава сына его Глеба на тмутараканское княжение. Святослав в это время участвовал в походе против Всеслава Полоцкого, и Никон дожидается его возвращения.

Для людей, интересующихся историей Минска, миссия Никона представляет несомненный интерес. Дело в том, что именно Никону исследователи древнерусского летописания приписывают составление летописного свода 1073 года, очень подробно осветившего события 60-х годов XI века и включенного в «Повесть временных лет». Не может быть сомнения в том, что сведения о Минске Никон получил из первых рук — от воинов, участвовавших в захвате

Минская крепость
Реконструкция

и разорении Минска. О походе на Всеслава, надо полагать, рассказал ему прежде всего сам Святослав, предводитель черниговского войска. Оказавшись вскоре в Киеве и будучи тесно связанным с княжеской дружиной, Никон имел полную возможность проверить и уточнить эти сведения. Кстати, Никон встречался там и с Всеславом Полоцким, вероломно схваченным Ярославичами под Оршей и заточенным в темницу, откуда его освободило киевское восстание 1068 года. Есть, следовательно, все основания верить записи с первым упоминанием о Минске.

Итак, в 1067 году Минск уже существовал. Но раз появившись, он снова на несколько лет исчезает со страниц летописи. Мельком упоминает о нем в своем «Поучении» Владимир Мономах, прошедший через город с огнем и мечом и не оставивший в нем, по его собственным сло-

вам, «ни челядина, ни скотины». Событие это, по-видимому, имело место в 1085 году.

Как видим, первые годы существования были тяжелыми для Минска. Дважды в течение небольшого отрезка времени город подвергался опустошительному разорению, но каждый раз он находил в себе силы оправиться от потрясений.

Начальная история Минска была теснейшим образом связана с судьбами Полоцкого княжества. В период опустошительных и истребительных феодальных войн конца XI века Полоцкое княжество укреплялось внутренне. В нем, как и в других землях Руси, шел закономерный процесс развития феодального землевладения и феодальной эксплуатации, рост и развитие городов, экономическое и политическое укрепление отдельных центров. К этому времени следует относить и возвышение Минска. Новые известия о нем в летописи относятся уже к началу XII века.

В 1101 году в глубокой старости скончался полоцкий князь Всеслав Брячиславич, проживший бурную, полную приключений жизнь. Ему наследовало семь сыновей. Один из них — Глеб, очевидно, еще при жизни отца получил в удел Минск. Минское княжество становится одним из сильнейших княжеств в бывших владениях Всеслава. С именем Глеба связаны летописные известия, касающиеся политической истории Полоцкой земли первой четверти XII века.

В начале 1105 года Минск подвергся нападению объединенного войска киевского воеводы

Путяты, Ярослава Владимировича, сына Владимира Мономаха, и северского князя Олега Святославича. Летописец не сообщает причин этого совместного выступления. Известно лишь, что князья, «ничего не добившись, возвратились». Можно, следовательно, заключить, что Минск к этому времени представлял собой уже достаточно сильный и хорошо укрепленный город.

Год спустя, в 1106 году, Всеславичи совместно выступили против литовского племени земгалов, живших, по данным хроник и древних географических карт, к югу от Западной Двины, но потерпели жестокое поражение, потеряв 9 тысяч «дружины». Хотя летописец и не называет конкретных участников похода, присутствие в объединенном войске Всеславичей минской дружины Глеба весьма вероятно.

Новое упоминание о Минске относится уже к 1116 году. Незадолго перед тем киевский стол занял Владимир Мономах, сохранивший за собой также Переяславское и Ростово-Суздальское княжества. Энергичному Мономаху на некоторое время удается задержать процесс феодального дробления Руси и восстановить политический приоритет киевского князя. Но вызвало беспокойство поведение минского князя Глеба, добившегося, по-видимому, известных успехов в объединении вокруг Минска ряда городов Полоцкой земли и обратившего свое внимание на землю дреговичей. Захват и сожжение Глебом в 1116 году дреговичского города Слуцка послужили поводом к войне. Летописец, явно не симпатизировавший Глебу, с укором и недо-

умением сообщает о том, что тот не хочет чувствовать за собой никакой вины, не кается и не покоряется. Более того, Глеб в чем-то упрекает самого Мономаха.

Сразу с трех сторон подверглось удару Минское княжество. Смоленский князь Вячеслав Владимирович, наступая с востока, овладел Оршей и Копысью. Войска переяславского князя Ярополка Владимировича соединились с воинами черниговского князя Давыда Святославича и, двигаясь с юга, заняли Друцк. Сам Мономах пошел к Минску.

Как и в 1105 году, он не смог овладеть городом с боя и вынужден был перейти к осаде. Почти два месяца продолжалась осада. В результате Глеб вынужден был просить мира и обещать «во всем слушаться Владимира». Как показали дальнейшие события, эти обещания были неискренними. В 1119 году возник новый конфликт. Теперь уже Владимиру Мономаху удастся занять Минск. Пленный Глеб был уведен в Киев, где вскоре и умер. После этих событий Минск снова на несколько лет исчезает со страниц летописи. Возможно, это объясняется утратой им своего прежнего значения.

Новое возвышение Минска относится к середине XII века, когда заметной становится возросшая роль городов и их влияние на политическую жизнь княжеств.

Из летописной записи под 1151 годом видно, что Минском владеет сын Глеба — Ростислав, которого полочане призывают к себе князем. Своего же князя Рогволода Борисовича они отправляют в Минск и держат там в «великой

нужде». Судя по последующим записям, минским князем становится брат Ростислава — Володарь. Другой его брат оказывается в Заславле, а сын — в Друцке. По всему видно, что Ростиславу удалось на некоторое время объединить значительную часть Полоцкой земли. Однако объединение это не было ни прочным, ни долгим.

Бежавший каким-то образом из Минска Рогволод Борисович с помощью войск северского князя возвращает себе Друцк. В Полоцке вспыхивает мятеж против Ростислава, который вынужден был бежать в Минск. В Полоцк возвращается Рогволод. Начинается подготовка к войне.

В августе—сентябре 1158 года Рогволод выступает против Минска, но, простояв под его стенами 10 дней, возвращается обратно. На следующий год военные действия возобновились. Повод, по-видимому, подал минский князь, попытавшийся восстановить свою власть над Заславльской волостью. Не надеясь на собственные силы, полоцкий князь Рогволод обратился за помощью к Киеву. В течение 6 недель он осаждал Минск, но так и не смог им овладеть. Так же безуспешно окончился и еще один известный нам поход Рогволода против Минска в 1161 году. В конце концов он должен был примириться с мыслью о тщетности попыток ликвидировать самостоятельность Минска и объединить Полоцкую землю. К такому же выводу должны были прийти и минские князья. Слишком далеко зашел процесс феодального дробления.

О последующих событиях мы можем только

догадываться. Феодалная раздробленность и непрекращающиеся междоусобицы ослабили сопротивляемость Руси иноземному нашествию. В XIII веке Минск вместе с северо-западными русскими землями подпадает под власть Литвы. К сожалению, этот процесс не освещен источниками.

Мы привели почти все летописные свидетельства о Минске. Легко заметить, что их очень немного, да и характер их уж очень однобок. Упоминания о Минске, как правило, связаны с политическими осложнениями между великими киевскими князьями и князьями полоцкими или минскими. Вот почему, располагая только данными летописи, мы можем лишь в самых общих чертах представить себе политическую историю древнего Минска, совсем ничего не зная о его хозяйственной жизни и внешнем облике. Единственное, что представляется несомненным после знакомства с письменными источниками, так это то, что Минск с самого начала был хорошо укрепленным пунктом с запирающейся крепостью и достаточно многочисленным населением, которое не раз давало отпор неприятелю.

Но вместе с тем в сообщениях летописцев сохранились такие сведения, которые дали пищу для долгих споров и сомнений относительно местонахождения древнего Минска. Вспомним, что говорится в первом упоминании о нем: взяв город в 1067 году, Ярославичи направились к Немиге, на берегах которой они встретились с войсками полоцкого князя Всеслава. Но ведь известно, что ручей, называемый Немигой, протекает через Минск. Теперь он заключен в трубу. Зна-

чит, думали некоторые ученые, Ярославичам совсем не нужно было никуда уходить от Минска. А если они все-таки ушли, значит Минск стоял не на Немиге, то есть не там, где он стоит теперь. Делались попытки отождествлять древний Минск с городищем, расположенным в 12 километрах к западу от современного Минска. Это особенно импонировало тем ученым, которые доказывали происхождение названия Минска (по-древнерусски Меньска) от названия реки Менки, на которой расположено то городище. Хотя известно достаточно много городов, названных по имени реки, на которой они стоят, однако это не был единственный путь происхождения названия. Вот почему, по-видимому, не меньшее право на существование имеет и та точка зрения, которая связывает происхождение названия Меньска со словами «мена, менять». Известен, например, древний русский город с близким по смыслу названием — Торжок.

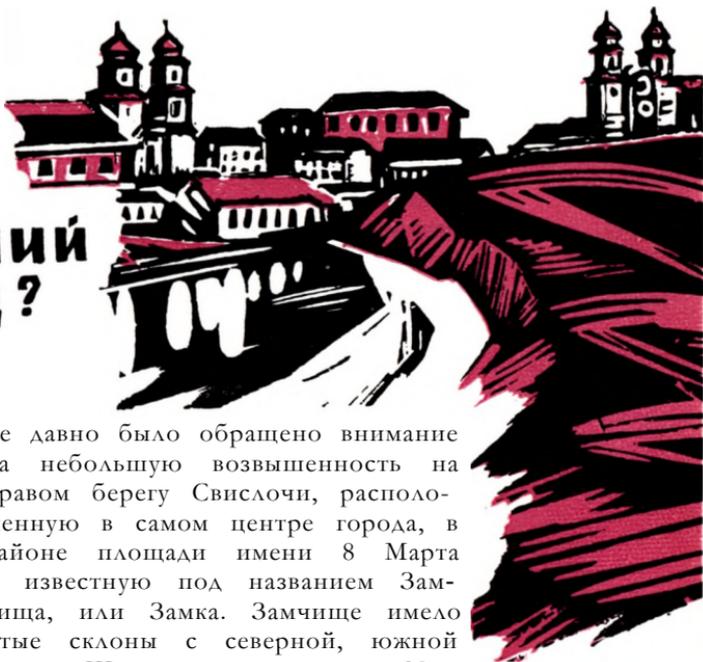
Но как же все-таки быть с Немигой? Большинство ученых, не придавая особого значения указанию летописца о движении Ярославичей после взятия Минска к Немиге, отождествляют ее с минской Немигой. Тому, кто знает минскую Немигу, трудно признать такое тождество. Трудно себе представить, что кровопролитнейшая из битв произошла на берегах ручья, не показанного вследствие своей мизерности даже на исторических планах Минска, составленных в XVIII веке. В суровую зиму 1067 года он вообще должен был промерзнуть до дна и сокрыться под толщей снега. А не было ли еще другой Немиги? От конца XIV века до нас до-

шел составленный неизвестным автором «Список русских городов дальних и ближних», в котором в числе прочих городов, расположенных на территории Белоруссии, назван город Немиза. Исследователи этого документа отмечают большую осведомленность автора в топографии белорусских и литовских городов, что заставляет предполагать, что он, возможно, лично побывал в некоторых из них или во всяком случае располагал достоверными данными. А если это так, то разве нельзя предположить, что именно к этой Немизе и направились войска союзных князей после взятия Минска?

К сожалению, местонахождение города Немизы до сих пор неизвестно. В этой связи интересно отметить следующее. Многие древние улицы Минска возникли на дорогах, соединявших Минск с другими городами и населенными пунктами. Об этом говорит и их направление, и их название. К числу очень древних улиц относится и улица Немига, известная по древним документам под названием Немизской улицы, которая соединялась с Койдановским трактом. Не могла ли она, подобно другим улицам, возникнуть на древней дороге, соединявшей Минск с Немизой?

Итак, вызывавшие недоумение некоторые места в летописи в вопросе о местонахождении древнего Минска находят, в целом, себе объяснение. Едва ли есть основания искать летописный город за пределами современного Минска. Но где конкретно он располагался, какую площадь занимал, как выглядел — на эти вопросы должна была ответить лопата археологов.

ГДЕ БЫЛ ДРЕВНИЙ ГОРОД?

Уже давно было обращено внимание на небольшую возвышенность на правом берегу Свислочи, расположенную в самом центре города, в районе площади имени 8 Марта и известную под названием Замчища, или Замка. Замчище имело довольно крутые склоны с северной, южной и восточной сторон. Ширина его составляла 30—45 метров, длина — 75 метров. Неоднократно на нем или возле него находили интересные вещи. Так, в 1845 году на Замчище была выкопана часть бронзовой группы, изображающей обнаженного пастуха рядом с волчицей. Позже недалеко от Замчища были найдены еще две сходные между собой бронзовые скульптурки полуобнаженного юноши в плоском, низком шлеме с поднятой вверх правой рукой. Пьедестал статуэток имел форму полушария с суковатым пнем на нем. В 1926 году под Замковой горой одним любителем-рыболовом была найдена очень древняя монета Боспора Киммерийского, чеканенная в 265 году н. э. Несколько раз на территории Минска

и возле него находили арабские монеты-дирхемы VIII—X веков.

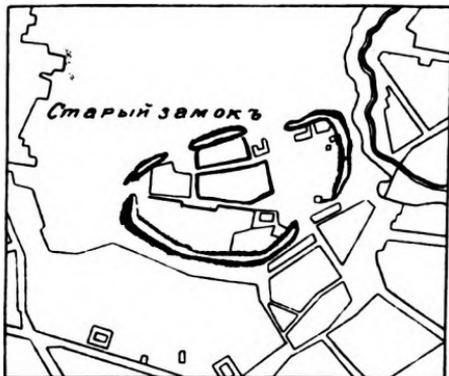
Очень интересны названия некоторых минских улиц, расположенных в районе Замчища. В названиях улиц можно видеть своеобразное отражение истории города, поэтому они с успехом могут быть использованы для поисков места древнего города, для установления территории, которую он занимал в различные исторические периоды. Так, рядом с Замчищем проходит улица Замковая. С запада она как бы замыкается образующей полукольцо Подзамковой улицей, продолжением которой является улица Завальная. Сами названия, как это легко заметить, свидетельствуют о существовании здесь когда-то замка, окруженного валом. Хотя следов вала теперь в общем-то и не заметно, можно было предполагать, что он проходил рядом с улицами Подзамковой и Завальной. Любопытно, что эти улицы в сочетании с естественным рельефом местности очерчивают вполне определенную территорию, которая по своему расположению, общим очертаниям и размерам весьма характерна для древнерусских городских крепостей — детинцев. Но к какому времени следует относить возникновение здесь крепости и какое отношение она имеет к древнему Минску?

Для того чтобы попытаться ответить на эти вопросы, нужно обратиться к различным доступным нам источникам. Очень интересные сведения об этом районе города имеются в книге И. П. Шпилевского «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю», вышедшей в середине прошлого века. Замчище вместе с так называ-

емым Низким, или Старым, рынком, а также Троицкой горой, Татарским концом и Раковским предместьем называлось тогда Старым местом, или Старым городом. «Самыми лучшими данными,— пишет И. П. Шпилевский,— служат старинные окопы или остатки валов в центре нынешнего Низкого рынка над рекою Свислочью между Татарским концом и Троицкою горою. Остатки этих валов до сих пор известны в устах народа минского под именем Замчища, по преданию, что на этом месте, именно где теперь находится большой каменный дом, или так называемая каменица княгини Любомирской ...стоял замок, укрепленный шанцами, валами и каналом, соединявшим некогда Свислочь с Немогою, ныне уже не существующею».

Составленное в 1800 году «Топографическое описание Минской губернии» называет Замок старинным овальным, довольно высоким укреплением. «Сей род цитадели,— читаем мы там— как видно из остатков, был некогда окружен водою, а ныне по местам видимы в окружности одного одни только болота с некоторою частью вала, кои отчасти уже и застроены обывательскими домами, соединявшимися с славным, сего города строением».

Очень ценными документами, помогающими решению вопроса о территории древнего Минска, являются исторические планы города. Самый ранний из известных нам планов Минска датирован 1773 годом. На всех планах XVIII и первой половины XIX века территория Замка, или Старого города, окружена кольцом вала, разрывавшимся в своей южной части, в том месте,

Замок на плане
Минска 1797 г.

где совсем недавно проходила Старо-Мясницкая улица. Судя по планам, протяженность Замка от Свислочи до западного противоположного края составляла 270—300 метров при ширине в средней части до 150 метров.

Если совместить исторические планы Минска XVIII века с современным планом этой части города, то обнаружится,

что Замок охватывал территорию, заключенную между Свислочью на востоке и улицами Подзамковой и Завальной на западе и юго-западе. Значит, исторически территория Замка во много раз превышает размеры того пригорка, который в наши дни именовался Замчищем, а сам пригорок, надо полагать, представляет собой небольшую часть уничтоженного городской застройкой древнего района Минска.

Оставалось выяснить, насколько древним является этот Замок и вал, остатки которого сохранялись еще в XIX веке. Для этого попытаемся разыскать еще более древние документы, содержащие упоминание о Минском Замке.

Перед нами переписка царя Алексея Михайловича с московскими воеводами, назначенными в белорусские города во время русско-польской войны 1654—1667 годов. Царь предписывает борисовскому воеводе Автомону Еропкину послать из Борисова в Минск 2 роты солдат с началь-

людьми и сделать в нем «для всякого береженья» крепость. Из ответа минского воеводы Арсеньева царю мы узнаем, что, осмотрев город, он остановил свой выбор на месте, подходящем, по его мнению, для сооружения крепости. Что же это за место? «И в Менску, государь,— читаем мы,— старая осыпь круг всего посаду велика... И та, государь, старая осыпь высока и кругом той осыпи обошла вода и болоты. Один въезд в город. А по мере, государь, того места по осыпи 500 сажен».

Из другого документа мы узнаем дополнительно, что в высоту вал достигал 10—14 саженей от уровня Свислочи.

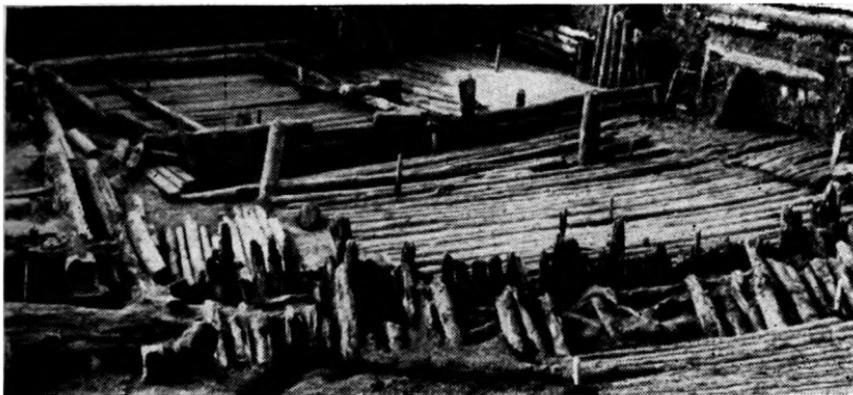
Таким образом, в середине XVII века в Минске имелся старинный очень больших размеров вал, время сооружения которого, относящееся, очевидно, к еще более отдаленным временам, было забыто. Не может быть никаких сомнений, что это именно тот вал, который показан на планах Минска XVIII века.

Отрывочные упоминания о древнем деревянном Замке можно найти и в документах XVI века. Так, проезжая в 1593 году через Минск, московский купец Трифон Коробейников отметил в своих записях, что городок деревян, худ, в ином месте стена развалилась. Городком, как это было принято, он называл укрепленную часть Минска. Автор второй половины XVI века А. Гванини, оставивший описание белорусских городов, тоже сообщает о древнем деревянном Минском Замке, со всех сторон окруженном водой. Из других документов известно также, что на территории Замка уже в XVI веке нахо-

лилась одна из главных соборных церквей. Самое раннее из известных нам упоминаний о Минском Замке относится к 1513 году.

Однако все рассмотренные источники отмечают только факт существования в Минске древних укреплений, и ни один из них не сообщает о времени их сооружения. Благодаря многолетним археологическим раскопкам, которые проводил в послевоенные годы Институт истории Академии наук БССР, удалось не только пролить свет на этот интереснейший вопрос древней истории Минска, но и решить другой, еще более важный вопрос о территории укрепленной части первоначального города. Оба эти вопроса оказались тесно связанными один с другим.

Археологи производят раскопки, и это знают все. Но далеко не все достаточно отчетливо представляют себе, почему археологи вынуждены раскапывать, почему археологические памятники оказались присыпанными землей. Что касается древних погребений, так это ясно: в большинстве случаев их сознательно закапывали. Но как древние поселения, целые некогда пышные города оказались теперь в земле? В представлении некоторых людей это явилось результатом или какого-нибудь стихийного бедствия, или сознательного засыпания землей остатков разрушенных поселений. В действительности это совсем не так. Древние поселения оказываются в земле в результате естественного нарастания в местах обитания людей так называемого культурного слоя. Культурный слой — это слой земли, содержащий остатки человеческой деятельности, иными словами, — это то, что остается в земле в ре-

Остатки двора
горожанина

зультате деятельности человека. Люди строятся, от строительства всегда остается мусор, который редко убирают и который, перемешиваясь с землей, покрывает поверхность тонким слоем. К нему прибавляется слой от разрушенных временем или пожаром различных сооружений. Люди часто теряют многие вещи, выбрасывают ненужные им или пришедшие в негодность. Все это и составляет культурный слой, который растет тем быстрее, чем интенсивнее проходит жизнь, чем большая плотность жителей на поселении или отдельном участке, большая скученность построек и т. д. Рост культурного слоя зависит также от особенностей почв и климата, от рода хозяйственной деятельности людей.

Нарастание культурного слоя, на первый взгляд, происходит незаметно. В Минске, например, за год прибавлялся один сантиметр.

Разумеется, для жителей эта сантиметровая годовая «прибавка» была незаметна. Но представим себе, что какой-то деревянный дом простоял 60 лет. За это время культурный слой должен был вырасти на 60 сантиметров, в результате чего три нижних бревна сруба окажутся присыпанными землей. Хозяин решил построить новый дом. Для этого он должен разрушить или разобрать старый. Но кому понадобится выкапывать те три полусгнивших бревна, которые оказались в земле? Ведь уровень поверхности везде вокруг поднялся на 60 сантиметров. Поэтому, разровняв площадку, хозяин поставит новый дом, а остатки старого останутся археологам. Именно с остатками сооружений, с их самыми нижними частями имеют обычно дело археологи. Но и их часто бывает достаточно для точной реконструкции исчезнувшего объекта. Археолога интересуют не только постройки. Для него важно установить причины происхождения многочисленных прослоек, различных оттенков и содержания, которые помогают определить отношение во времени между сооружениями и находками. Земля, как книга, может рассказать о прошлом, ибо, поистине, ничто не проходит бесследно. Рассказала она и о древнейшем прошлом Минска, о чем не сказали и не могли сказать письменные источники.

В различных местах археологические раскопки обнаружили остатки древних оборонительных сооружений Минска. Возле Свислочи, в крайней восточной части Замчища, специальными траншеями был перерезан земляной вал, сооружение которого датируется находками XI века. Древ-

ний вал был обнаружен при рытье котлована под Дворец спорта «Трудовых резервов», построенный на Парковой улице, западнее и южнее его. Точными инструментальными промерами следы древнего вала были отмечены на современном плане города, совмещенном с планом XVIII века. Обнаружилось, что во всех точках на протяжении 450 метров древний вал точно совпал с валом, зарегистрированным в исторических планах города. Значит, приведенные выше исторические описания остатков древних оборонительных сооружений Минска, известных под названием Замка, или Замчища, равно как и планы XVIII века, зафиксировали вал летописного Минска. Обнаружив точное совпадение древнего вала с валом исторических планов, мы располагаем счастливой возможностью точно определить территорию укрепленной части древнего Минска, его кремля. Древний городской кремль занимал всю ту площадь, которая на планах XVIII века заключена внутри вала. На современном плане города эта территория простирается от Свислочи до улиц Подзамковой и Завальной.

Всего вероятнее, первоначальное поселение ограничивалось территорией крепости. Однако по мере разрастания города и превращения его в центр ремесла и торговли она становится уже недостаточной. За пределами вала возникает ремесленный посад.

Археологические раскопки производились главным образом внутри крепости, и мы поэтому значительно хуже знаем неукрепленный район древнего Минска. Все же некоторое пред-

ставление о ремесленно-торговом посаде мы имеем. Небольшие разведывательные раскопки и наблюдения за земляными работами, производившимися в разное время на прилегающей к Замчищу территории, позволили проследить за распространением культурного слоя, который местами имел толщину свыше 6 метров.

Уже в древности были заселены площадь имени 8 Марта, улицы Торговая, Островского, Ново-Мясницкая, Немига и часть других. Но древних слоев нет на площади Свободы и примыкающих к ней улицах. Там культурный слой невелик и сравнительно позднего происхождения. Таковы наши знания о территории древнего Минска.

ОБЛИК ДРЕВНЕГО МИНСКА

Слово «город» произошло от глагола «городить», «огораживать». В древности под городом понималась территория, окруженная укреплениями, или сами укрепления. Следовательно, древний город немислим без крепости. Расширяясь и застраиваясь, город со временем выходил далеко за пределы своей укрепленной части, но она еще долгое время продолжала оставаться архитектурным центром поселения. Вот почему мы даже и теперь часто говорим «пойдем в город», имея в виду под этим центральную часть города.

Итак, неперменной принадлежностью древнерусского города была крепость. Письменные, графические и в особенности археологические материалы дают возможность составить некоторое представление о минских оборонительных сооружениях.

Как нам уже приходилось говорить, точное совпадение древнего вала с валом, показанным на исторических планах Минска XVIII и XIX веков, позволило определить его трассу и протяженность.

Минская крепость возникла на сравнительно плоской местности. Только северо-восточный край ее занял несколько возвышающийся мыс правого берега реки Свислочи, плавно понижающийся к юго-западу. Хотя эта деталь имела едва ли какое-нибудь значение с точки зрения облегчения обороны города, мы не можем отрицать факта использования естественных защитных условий местности. Даже на исторических планах Минска отмечается заболоченность территории, примыкающей к крепости с севера. На плане 1773 года возле юго-западного края крепости имеется пометка: «Здесь всегда болото». О болоте, окружавшем город, упоминает в своем рапорте московскому царю и минский воевода Арсеньев.

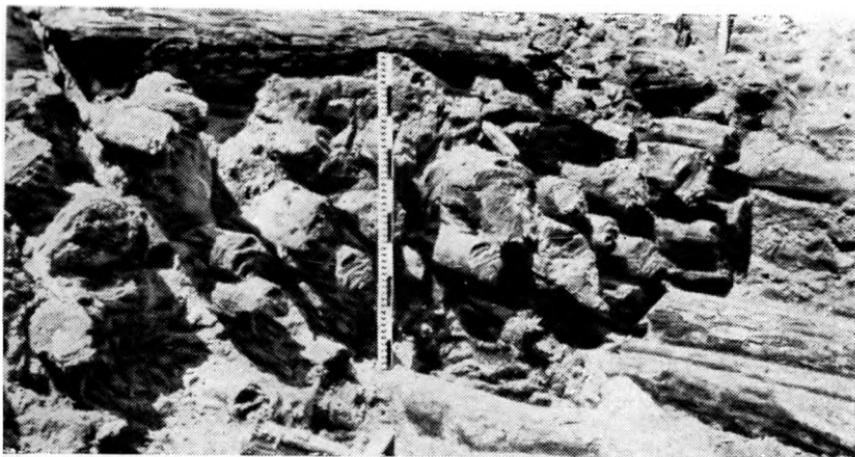
Заболоченность местности, естественно, облегчала оборону. В условиях низкого рельефа было значительно легче решить проблему обеспечения водой защитников крепости при длительной осаде. Но природные защитные факторы были второстепенными. Древний Минск являл собой пример нового типа укрепленного поселения, распространившегося на Руси в конце XI — начале XII века, поселения, основу мощи которого составляли искусственные деревоземляные укрепления.

В плане крепость имела полукруглую форму, что в сочетании с мощными укреплениями обеспечивало фронтальную стрельбу с городских стен по всему периметру вала. Такое устройство крепости целиком отвечало новой тактике обороны, вызванной распространением новой тактики организованной осады.

На известных нам планах 1793 и 1797 годов крепость имела три въезда: два на северной стороне и один — на южной. Но на более раннем плане 1773 года показано всего два въезда: один — на северной и один — на южной. Все планы свидетельствуют о том, что центральным въездом в крепость был южный, к которому сходятся основные минские улицы, расположенные за пределами укрепленной части города. Можно предполагать, что в древности въезд был только на одной южной стороне, ведь к северу от крепости местность была сильно заболочена и не застроена. К тому же об «одном въезде в город» сообщают и письменные источники XVII века, в которых под городом, очевидно, понимается укрепленная старая часть Минска — Замок.

Археологическое изучение вала показало, что он был насыпан из крупнозернистого светлого песка, лишенного каких бы то ни было находок. Отчетливо выделяются два этапа в его строительной истории. Первоначально город был обнесен валом, имевшим в сечении у основания 14 метров. Но эта ширина, а соответственно и высота вала, по-видимому, оказались недостаточными, в чем минчане могли убедиться в печальные годы «изъездов» Ярославичей и Мономаха. Вал был расширен до 22—25 метров и стал значительно выше. Период между сооружением вала и его расширением, судя по раскопкам, был небольшим. За это время отложилась очень незначительная прослойка земли.

Во многих местах внутри вала были обнаружены массивные бревна, укрывавшие его внут-

**Остатки бревен
внутри вала**

ренный и внешний склоны. Очень интересная деревянная конструкция внутри вала была прослежена на юго-восточном участке крепости, в том месте, где вал поворачивал от реки к крепостным воротам. В его основании была сооружена целая система деревянных накатов. Каждый накат, а их было здесь девять, состоял из длинных сосновых бревен, уложенных перпендикулярно оси вала. Сверху поперек их укладывалось несколько бревен, шедших вдоль трассы вала. Затем сооружался новый накат. Между собой бревна ничем не скреплялись, но некоторые из них были укреплены на месте колышками, вбитыми по сторонам. Такая деревянная конструкция, доходившая в высоту до 2 метров, составила прочное основание земляного вала.

По верху вала должна была проходить дере-

ванная крепостная стена, но устройства ее мы, к сожалению, не знаем. Сохранившийся до недавнего времени на небольшом участке древний вал был разрушен при строительстве Дворца спорта общества «Трудовые резервы».

Только в одном месте археологи успели разрезать верх вала и изучить его устройство. Несмотря на ограниченные размеры исследования, можно было заметить горизонтальную площадку на верхней внутренней стороне вала, как бы защищенную с внешней стороны небольшой насыпью — своего рода «бруствером». Можно думать, что на площадке устраивался помост. С внешней стороны он мог быть огражден прямым или косым деревянным забором — тыном из вкопанных в землю столбов. Но это простейшая конструкция стен. Для древней Руси, по мнению специалистов, более типичными конструкциями наземных деревянных стен крепостей были трехстенные деревянные срубы, поставленные в линию по гребню вала, плотно один к другому. Учитывая ширину и массивность дереvozемляного вала, вполне допустимо предположение, что такого типа крепостную стену имел и древний Минск. Заметная в разрезах вала горизонтальная площадка по своим размерам вполне достаточна для того, чтобы соорудить на ней систему таких срубов.

Судя по историческим планам Минска, крепостные ворота должны были располагаться на юго-восточной стороне детинца. Любопытно, что на всех планах концы вала в месте въезда в крепость показаны сдвинутыми относительно друг друга. Если это не результат позднейшей

застройки, искажившем первоначальный план этого участка крепости, то следует признать, что въезд в минский детинец был образован не простым прорезом линии вала. История древнерусской фортификации знает примеры, когда концы вала шли параллельно, заходя один за другой. Такое устройство въезда усиливало защитные возможности крепости, так как неприятель ставился дополнительно под двусторонний или односторонний обстрел у городских ворот.

В 1960 году была предпринята попытка найти следы городских ворот древнего Минска. Соображаясь с планами XVIII века, были произведены раскопки точно в месте разрыва вала. Как и следовало ожидать, в раскопках было обнаружено окончание вала, шедшего от въезда в крепость к реке. К нему примыкала мостовая, ведшая в город. От мостовой сохранилось несколько деревянных настилов, которыми она перекрывалась в разное время. Вдоль мостовой на уровне ее первого, самого раннего настила был сооружен дубовый сруб, попавший в раскоп, к сожалению, только частично. От одной стены сруба осталось четыре венца, от другой — три. Внутри сруб был заполнен песком, и ничего, что говорило бы о жилом характере этой постройки, не было отмечено. Сруб целиком входил в вал, и не лишено достоверности предположение, что это сооружение завершало вал у городских ворот или само являлось частью воротной башни, за которой укрылись минчане в 1067 году. Размеры сруба, материал, из которого он построен, место, которое он занимал, его заполнение и мощное основание — все говорит

**Минские крепостные
ворота**

Реконструкция

о необычности и монументальности сооружения. Работы, проводившиеся на теперешней Парковой улице, не позволили расширить раскоп с тем, чтобы включить в него участок на противоположной стороне обнаруженной мостовой. Но можно предположить, что там имелась такая же срубная конструкция и вместе они составляли городские ворота. Мостовая проходила, таким образом, между двумя отдельными деревян-

ными башнями, вероятно, соединенными между собой сверху. Отрытую башню не разобрали и закопали в том виде, в каком она предстала перед археологами. Кто знает, может быть в будущем на противоположной стороне мостовой, на участке, погребенном под бетонным покрытием Парковой улицы, в 20 метрах к югу от Дворца спорта, будут обнаружены остатки второй воротной башни.

Сооружение башни относится ко второй половине XI века, но простояла она недолго и уже в конце века была разрушена. Песок с вала и башни отложился толстым слоем на первом настиле мостовой. Не было ли это следствием одного из печальных событий в истории города, сопровождавшегося срытием укреплений?

После разрушения башня уже не была восстановлена. Вместо нее край вала был огражден группой столбов, которые шли вдоль мостовой, а затем, поворачивая, огибали окончания вала. Столбы были врыты на расстоянии около 2 метров друг от друга. Возможно, что пространство между ними закладывалось деревом, и эта столбовая ограда была частью своеобразного варианта конструкции городских ворот. После того как это ограждение пришло в негодность, было сооружено новое в таком же виде.

Для древних городов характерным было укрепление крепости искусственным рвом, который иногда заполнялся водой. Но применительно к Минску мы пока не располагаем бесспорными данными, указывавшими бы на наличие такого рва вокруг его детинца. О нем ничего не говорит и топонимика минских улиц, подобно

тому, как она говорит, например, о замке и вале (вспомним улицы Замковую, Подзамковую и Завальную). Может быть, в условиях общей заболоченности местности вокруг крепости такой необходимости во рве и не было. Основу ее обороны составлял мощный вал.

Небольшие разведывательные раскопки, проведенные за пределами детинца, позволяют говорить о существовании в XII—XIII веках заселенного района вне крепости. Обычно такие районы (посады) тоже так или иначе укреплялись, отчего и назывались иногда окольными градами. Всего вероятней, минский посад не имел значительных укреплений. Об этом можно судить хотя бы потому, что следы древних укреплений не обнаруживаются археологически и не прослеживаются в названиях минских улиц за пределами крепости. Правда, на планах XVIII века изображен посадский вал, но, в отличие от вала Замка, он не может быть признан древним. Если наложить план XVIII века на современный, то посадский вал пройдет от Юбилейной площади вниз по улицам Республиканской и Урицкого до Интернациональной, а оттуда до угла улицы Ленина и Ленинского проспекта. Далее он шел вдоль теперешнего Ленинского проспекта до перекрестка Красноармейской улицы. Значительная часть территории, заключенной внутри этого вала, не имеет, как показали обследования, древних культурных напластований. О сравнительно позднем происхождении вала свидетельствует также тот факт, что даже к концу XVIII века город, по существу, не вышел за его пределы.

При археологических раскопках Минска было открыто около 130 построек. Удивительно хорошая сохранность дерева от большинства построек дала возможность с полнотой, недоступной для многих других городов, изучить планировку и застройку древнего Минска, строительную технику, благоустройство его и т. д. От построек сохранились фундаменты, стены на несколько венцов, полы, дверные проемы, двери, лестницы, детали перекрытий, печи.

От большинства построек до нас дошло по одному-трем венцам, но одна жилая постройка сохранила пять венцов. Бревна на двух стенах были пронумерованы метками-зарубками. Значит, сначала сруб собирался на стороне, подгонялся, высушивался. Затем, чтобы не нарушить порядка сборки его на новом месте, бревна были помечены вертикальными насечками — одной, двумя, тремя и т. д.

Некоторые постройки ставились на специальных подкладках-«стульях», в качестве которых использовались отдельные бревна, столбы, доски, камни. Иногда жилые постройки имели более сложные фундаменты в виде специально сооружаемых опорных площадок.

Древний Минск был застроен небольшими деревянными наземными срубами, состоявшими преимущественно из одного помещения площадью в 16—25 квадратных метров. Изба на одно жилое помещение была традиционным типом белорусской постройки и в последующее время.

Техника рубки большинства построек была одинаковой. Угловые чашки и продольные пазы

для лучшего скрепления венцов делались в верхней стороне бревна, щели между венцами часто проконопачивались мохом.

У некоторых построек сохранились дверные проемы, которые вообще в раскопках встречаются редко. Проемы имели специальные гнезда для дверного шипа — подпятники. Двери «на пятке» были широко распространены на территории Белоруссии во весь феодальный период. О них, например, сообщают инвентари имений феодалов. Судя по найденным в раскопках дверям, проемы были низкие. Самая большая дверь имела длину 1,6 метра. Другие были и того меньше. Возле некоторых изб сохранились крыльчатые лестницы.

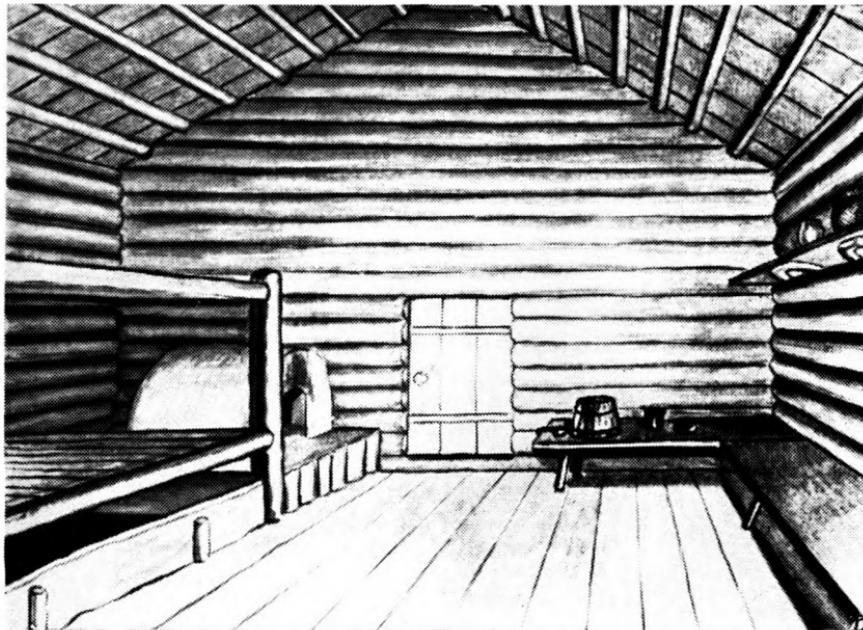
Находки на Минском Замчище некоторых элементов верхних частей построек дают возможность получить представление об их облике в целом. Так, находки бревен, из которых составлялся фронтон (они известны в Белоруссии под названием «самцов»), свидетельствуют о том, что древние минские постройки имели двускатную крышу на «самцах». Между прочим, такая крыша была широко распространена на территории Белоруссии до сравнительно недавнего времени. Она хорошо описана этнографами, поэтому нам легко представить себе вид и древней минской постройки. Верх передней и задней стенок возводился из «самцов» в виде треугольников. Между собой они связывались продольными слегами, по-белорусски — «сволоками», врубленными в «самцы» по обе стороны крыши. Под нижний сволок подкладывали две или три пары кряков — «какошин». На них накладыва-

лась толстая доска, которая служила ограничителем для упирающихся в нее тесаных досок перекрытия ската. Сверху тесины могли закрепляться толстым бревном с пазом — «охлупнем», но могли и не скрепляться. В таком случае, для того чтобы защитить щель на гребне крыши от дождей, доски одного ската делались длиннее другого. Концы их нависали над щелью и прикрывали ее. В Белоруссии этот способ накрытия известен под названием «внахлестку». По свидетельству этнографов, «нахлестка» придавала крыше своеобразный, живописный вид.

При раскопках Замчища было найдено несколько «какошин», и это является еще одним подтверждением близости древних минских построек старым белорусским деревенским сооружениям.

Наряду со срубными постройками, в раскопках обнаружено значительное число сооружений столбовой конструкции. Основу стен составляли массивные столбы, промежутки между которыми заполнялись различными способами. В большинстве случаев такие постройки имели хозяйственное назначение. Были и плетеные постройки, хотя и очень немногие. Одна такая постройка, обнаруженная в слое XIII века, очень хорошо сохранила березовый плетень и четыре угловых столба.

Внутри минских построек, как жилых, так и хозяйственных, обычно обнаруживаются остатки деревянных полов. В жилых избах пол настился между вторым и третьим венцом или между третьим и четвертым. В редких слу-

Внутренний вид
древней избы

чаях доски укладывались непосредственно на землю. Однако чаще всего они настилались на лагах-переводинах.

Одним из отличительных признаков жилой постройки является обнаруживаемая в ней печь. Все печи помещались в углу, справа или слева от входа, на невысоком опечке, огороженном поставленными на ребро досками. На опечке сооружался каркас из прутьев и кольев, который затем обмазывался глиной. В основании стен печи иногда укладывались крупные камни. Счи-

талось, что от них печь лучше нагревалась и дольше держала тепло. Все печи топились по-черному. Черная печь долго удерживалась в белорусской деревне.

Вот так, например, описывается крестьянская изба Минской губернии в одном документе середины прошлого века: «У входа из сеней в жилую избу располагается большая кирпичная печь с очагом. Дымовые трубы вообще не в употреблении, и оттого хаты большею частью курные; для выхода же дыму устраивается над дверью отверстие, называемое верхником и закрываемое небольшою ставенькою. Дым выпускается также в окна, а иногда и в особые душники, устраиваемые за печкой. Курные избы имеют, конечно, самое вредное влияние на здоровье, но крестьяне этому не верят и на основании того, что и их бацьки так жили, не охотно соглашаются на введение труб». Представляя древнюю минскую низкую черную печь, невольно вспоминаешь одно место в «Изборнике» Святослава (1076 г.), где богатой храмине противопоставляется, по-видимому, обычное рядовое жилище: «Подумай о бедных, как сгибаются они, скорчившись над малым огнем, имея большую беду глазам от дыма, согревая лишь руки, когда плечи и все тело замерзает».

Все сколько-нибудь сохранившиеся печи жилых построек, независимо от конструкции опечка, имели в свободном углу массивный столб. Назначение его станет понятным, если снова взглянуть в старую белорусскую избу. В них угловой столб является важнейшим элементом печи и внутреннего устройства избы вообще. Его на-

зывают «дзедам», «канём», «канявым стаўбом». С ним связывали целый ряд поверий и обрядов. Около него благословляли молодых и исполняли «стаўбовыя» песни.

Печной столб служил опорой сходящихся к нему под прямым углом двух брусев, один из которых был основанием полатей.

Используя этнографические данные, показывающие несомненную связь старых белорусских и древних минских жилых построек, мы можем теперь уже ясно представить себе внутренний вид жилища горожанина XII—XIII века. Это должно было выглядеть приблизительно так: поднявшись по ступенькам выходящего во двор крыльца и пройдя через открывающуюся внутрь низкую дверь, предварительно нагнувшись, чтобы не задеть головой за косяк проема, мы увидим справа в углу низкую закопченную глинобитную печь с обращенной к двери топкой. От массивного печного столба через всю избу к противоположной стене идет на уровне глаз брус, на котором уложены доски полатей. Точно под ними устроен широкий помост — «нары», или «пол», который, как и полати, предназначался для сна. В зимнюю стужу под нарами за дощатой загородкой можно было увидеть кур и молодых животных. Вдоль стены слева и против входа, по-видимому, укреплялись широкие неподвижные лавки.

Как свидетельствуют материалы раскопок минского детинца, территория города была поделена на отдельные участки, занятые городскими усадьбами. Каждая усадьба имела несколько жилых и хозяйственных построек. Цели-

Двор горожанина
Реконструкция

ком были раскопаны по меньшей мере три городские усадьбы. Окончательно их территории оформились к XII веку. Площади раскопанных усадеб составляли приблизительно 220—250 квадратных метров. Одна усадьба имела две жилые избы и че-

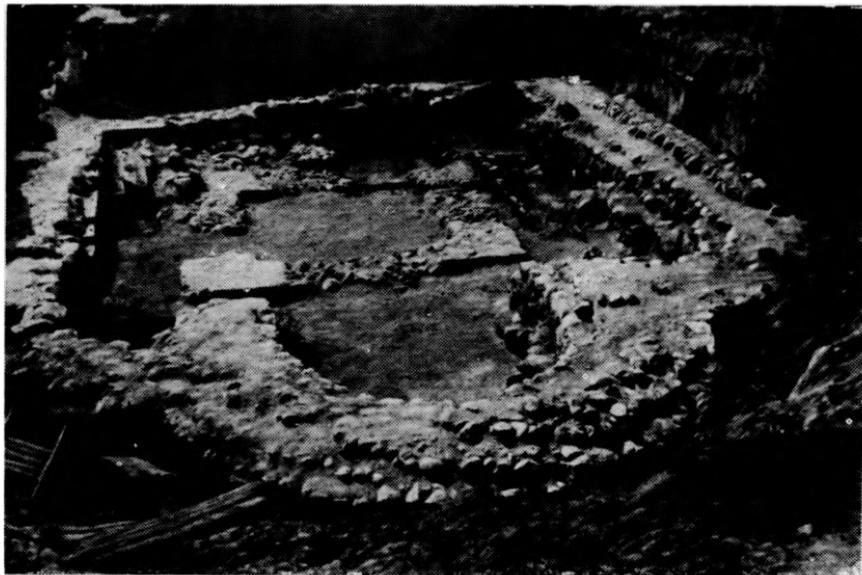
тыре-пять хозяйственных построек. Частые перестройки дворов не выходили за пределы собственных участков. Можно отметить чрезвычайную устойчивость внутренней планировки отдельных усадеб. Новые постройки, которые сооружались вместо старых, пришедших в негодность от времени или погибших в пожаре, обычно в точности повторяли план и размеры прежних построек. Жилые постройки ставились на месте жилых, хозяйственные — на месте хозяйственных. По-видимому, это следует объяснять и силой многолетней традиции, привившей известные вкусы к той или иной планировке, и практическими соображениями. Сооружение срубов на месте старых было удобным и с технической стороны. Быстро нараставший рыхлый, насыщенный органическими остатками грунт представлял сильную помеху в строительном деле, приводя к большой усадке сооружений. Использование же в качестве своего рода фундамента остатков разрушенных построек из-

бавляло от необходимости укреплять грунт, сооружать специальные подпорки и т. д.

Городские усадьбы разграничивались между собой или сплошным рядом построек, или заборами. Наиболее распространенной изгородью был частокол. Устройство его не хитро: столбы диаметром 8—15 сантиметров вкапывались в неглубокую канаву вплотную друг другу. Наверху они, возможно, скреплялись продольными жердями. Возле одной постройки XII века каждый из колев частокола был обработан таким образом, что с одной стороны он имел продольный желоб, а с противоположной — выступ. Коляя плотно подгонялись друг к другу, при этом выступ одного кола входил в желоб другого.

Значительно реже ставились изгороди из горизонтальных жердей. Для ограждения небольших участков внутри двора горизонтальные жерди укладывались между попарно вбитыми кольями, которые наверху, по-видимому, обвязывались молодыми ветвями или прутьями. Так устраивались, например, стенки легких построек, загонов для скота. Были также ограды, основу которых составляли столбы с выбранными пазами, вкопанные на некотором расстоянии друг от друга. Между ними в пазах укреплялись горизонтальные бревна.

Несколько раз в раскопках были обнаружены остатки ворот, запиравших въезд в городские дворы. От них обычно сохраняются воротные столбы — верей. На некоторых заметно гнездо под шип. Следовательно, воротные щиты вращались на пяточных шипах. Сверху ворота, воз-

Остатки
церкви

каменной

можно, перекрывались узкой тесовой двускатной крышей.

В самых нижних слоях Минского Замчища, относящихся к концу XI века, был открыт фундамент каменной церкви с тремя выступающими полукружиями — абсидами. Строго в центре внутреннего пространства сохранились основания четырех столбов, которые должны были поддерживать крестовокупольное перекрытие. Против столбов на внутренних сторонах северной и южной стен намечаются прямоугольные лопатки. Фундамент и стены сплошь состояли из камня, скрепленного белым известняковым раствором. На стенах возле юго-западного угла

внутри церкви сохранились участки, облицованные кирпичеобразными известковыми блоками. Это совершенно оригинальная деталь, не имеющая себе аналогий среди других известных нам памятников Руси такого рода.

Как показали раскопки, храму не суждено было украсить город. Очевидно, что-то помешало довести до конца начатое строительство. Об этом говорит и незавершенность внутренней отделки, и отсутствие каких бы то ни было следов пола, красочному оформлению которого уделялось особое внимание в древнерусских церквях, и то, что сохранившаяся часть стен была залита сверху ровным слоем раствора, в котором отсутствуют отпечатки кладки. Наконец, самое главное — раскопками не установлено никаких следов разрушения храма.

И тем не менее минский храм даже в своем незавершенном виде представляет большой интерес и несомненно займет почетное место в истории древнерусской архитектуры. Помимо оригинальных технических черт кладки стен и их облицовки, храм своими небольшими размерами (16 X 12 м) и композиционным решением предвосхитил художественные архитектурные принципы, получившие развитие в период феодальной раздробленности Руси.

Вероятно, церковь надеялись со временем закончить. До середины XII века возведенную часть не разбирали и не засыпали. Затем ее превратили в своеобразный некрополь. Внутри храма раскопками обнаружено 21 погребение в деревянных гробах. Но в первой половине XIII века уже, очевидно отчаявшись когда-

нибудь его достроить, фундамент перекрыли уличным настилом.

Можно предполагать, что древняя церковь имелась в другом месте крепости. Письменные источники, начиная с XVI века, упоминают о соборной церкви Замка Минского, называя ее также православной Замковой церковью. В документах начала XVII века отчетливо проскальзывает мысль о ее древности, сообщается, что по вине старосты Петра Тышкевича в 1619 году она пришла в полное разорение. Относительно местонахождения Замковой церкви у нас едва ли могут быть какие-нибудь сомнения. Церковь показана на планах Минска XVIII века и располагалась в самом центре крепости недалеко от крепостных ворот. Теперь, в связи с перепланировкой этого района, место, где находилась церковь, перекрыто бетоном Парковой магистрали.

Одним из центральных мест древнерусского города было торжище, где совершались не только операции купли и продажи, но и проходила основная общественно-политическая жизнь города.

Городские торжища, как правило, располагались за пределами крепостных стен, но в непосредственной близости от них и городских ворот. И это было присуще не только древнерусским городам. По истолкованию ученых, слово «базар», пришедшее к нам из тюркских языков, означает «дело у ворот». Так как реки являлись в древности одними из важнейших путей сообщений, рынки устраивались обычно возле реки. Многие современные рынки и теперь еще располагаются по традиции на месте древних торжищ.

Внутренняя облицовка
церкви

Где же был древний минский рынок? Хотя в раскопках остатков древнего торгового центра и не было обнаружено, поскольку такая задача и не ставилась, мы все же располагаем рядом исходных данных для установления его местонахождения. Принимая во внимание все известное нам о древнем русском рынке, можно думать, что он находился возле теперешнего моста на площади имени 8 Марта. Здесь он указан и на исторических планах Минска XVIII века. В документах XVI века он называется Старым, или Немигским, рынком. Это было как раз возле крепости и недалеко от ворот, на берегу реки Свислочи.

Рынок вместе с детинцем был центром, к которому сходились пути с разных концов города. Упорядочивающим моментом в стихийной застройке древнего Минска были некоторые улицы.

Археологические раскопки в восточной части детинца позволяют составить известное представление об основных чертах планировки древнего Минска. Уличная планировка сложилась в нем в первые же годы его существования. Са-

мая древняя из обнаруженных улиц пересекала восточную часть крепости с северо-востока на юго-запад и выходила к городским воротам. Вскоре, однако, первоначальная планировка этого района претерпела некоторое изменение. На месте улицы была сооружена усадьба, а улица передвинулась к западу. Несколько лет спустя от нее отошла к востоку узкая улочка. Приблизительно в это же время наметилась еще одна улица, отошедшая от самой ранней в северо-западном направлении.

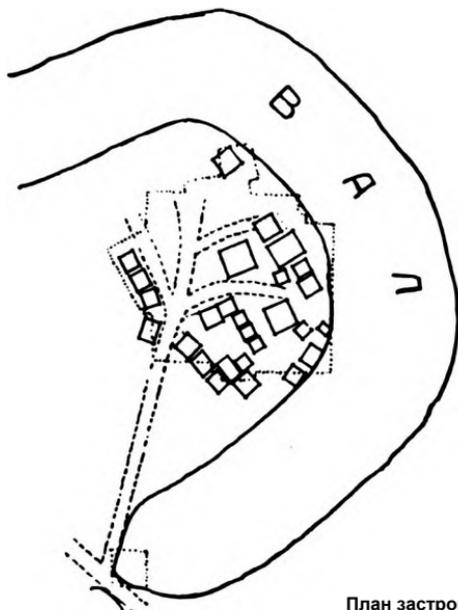
Улицы были узкими. Наиболее крупная улица дегинца имела ширину 4 метра. Другие были и того уже — 3—3,5 метра.

Для раскопанных древних районов города характерна чрезвычайная устойчивость плана. Такое явление мы наблюдаем и в других русских городах. Так, в Новгороде, например, археологическими раскопками засвидетельствовано удивительное соответствие между древними и известными нам сравнительно поздними историческими планами города. Улицы Великая, Холопя, Козмодемьянская были обнаружены точно в тех местах, где они зафиксированы в планах XVIII века. Все это делает правомерным использование дошедших до нас графических документов для научной реконструкции древних планов. Изучение планов Минска XVIII века показывает, что район Замка и его окружение не претерпели никаких существенных изменений в планировке вплоть до недавнего времени. Вполне допустимо поэтому предположить, что сохранившаяся к середине XVIII века планировка этого района города отражает в об-

щих чертах древнюю планировку. Хотя археологическими раскопками изучена только восточная часть минского детинца, можно, используя данные планов XVIII века, предполагать существование еще целого ряда улиц. Характерным было общее направление основных улиц к крепостным воротам, что придавало плану определенную систему. Видимо, уже в раннем периоде сложилась существовавшая до недавнего времени улица Старо-Мясницкая,

пересекавшая детинец в поперечном направлении, и Замковая, прошедшая от городских ворот к западу по центру детинца и являвшаяся самой длинной и, возможно, центральной улицей крепости. Пример восточной части детинца показывает, что основные магистрали, ведущие к городским воротам, имели многочисленные и беспорядочные ответвления, служившие часто не столько самостоятельными улицами, сколько вымостками, соединявшими отдельные городские дворы или группы их с какой-нибудь большой улицей.

То же, по-видимому, можно сказать и о посаде, хотя археологическое изучение его пока не по-

План застройки
восточной части
крепости
в XII—XIII вв.

шло дальше разведок. Исторические планы города говорят о том, что почти все основные улицы, сходящиеся к детинцу и располагавшемуся возле него торгу, имели своим продолжением дороги, связывавшие Минск с другими населенными пунктами. Это обстоятельство, как мы уже упоминали, получило свое отражение в названиях улиц этого района города. Очень древними улицами следует считать Немигу, Раковскую (ныне ул. Островского), Зыбицкую (ул. Торговая), (Козьмодемьяновскую (несуществующая ныне часть ул. Д. Бедного), часть Борисовской (ул. Горького) и некоторые другие. Письменные источники начала XVII века называют в этом районе еще улицу Великую. Названные улицы явились основой плана города, придав ему радиальное построение.

Расположенный в низкой местности и окруженный болотами, древний Минск страдал от обилия грунтовых вод. Быстро накапливавшийся культурный слой, как губка, конденсировал в себе влагу. В таких условиях представлялось необходимым покрывать улицы деревянными настилами, прибегать к отводу лишней вод с помощью специальной системы водоотводных сооружений.

Все минские улицы сохранили остатки деревянных настилов. По мере того как настилы изнашивались или обрастали по сторонам культурным слоем, они обновлялись. Старые обычно не разбирались, и новые настилы укладывались поверх старых. Одна улица сохранила 13 настилов, возведенных один на другом за период с XII по XIV вв.

Технически конструкция уличных мостовых в общем была постоянной, имея некоторые особенности в деталях. Основу мостовой составляли продольные деревянные лаги. На широкой улице их было три, на узкой — две.

Клались они обычно прямо на землю или на старую мостовую на расстоянии 1—2 метров друг от друга. В некоторых случаях лаги врубались в массивные поперечные плахи. Это делало основание мостовой более прочным, хотя подобный прием использовался редко.

Сверху лаги перекрывались хорошо подогнанными друг к другу поперечными бревнами. В качестве поперечин служили жерди, плахи с обращенной вверх плоской стороной и тесаные доски. Жерди и плахи иногда имели с нижней стороны полукруглые вырубki, которыми они накладывались на продольные лаги. Это препятствовало боковому смещению поперечин. Большая прочность мостовых достигалась и другими способами. На одной мостовой доске, которыми она была накрыта, с одной стороны упирались в стены построек, с другой были впущены в паз плахи, укрепленной с помощью колышек вдоль мостовой.

Сооружение и ремонт мостовых, по-видимому, были вменены в обязанность владельцам го-

Уличная
мостовая XI в.

родских дворов. Известен, например, устав Ярослава «О мостех», предписывавший гражданам содержание в порядке определенных участков улиц. Вероятно, каждому двору был определен участок, расположенный прежде всего в непосредственной близости к усадьбе. Этим можно объяснить наблюдавшийся во время раскопок факт, когда отдельные участки одной и той же мостовой выполнялись различными техническими приемами. Описанный выше оригинальный прием укрепления досок мостовой был сделан на участке, расположенном точно против одной городской усадьбы. За ее пределами мостовая была сделана обычным способом.

Чертой, характеризующей состояние городского благоустройства, может также служить обнаруженный в одном из раскопов возле въезда в крепость глубокий долбленный деревянный желоб, прикрытый сверху широкой доской. По нему отводилась вода из детинца в реку. Можно предполагать существование в древнем Минске целой системы дренажных сооружений.

Так благодаря археологическим раскопкам мы смогли воссоздать внешний облик древнего Минска, оказавшегося вполне благоустроенным по тем временам городом.

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ ДРЕВНЕГО МИНСКА

Летописи ничего не говорят о хозяйственной жизни древнего Минска. В них мы не найдем ни единого упоминания о занятиях минчан ремеслом, торговлей, сельским хозяйством, какими-нибудь промыслами и т. д. Нет ни малейшего намека на данные, которые бы позволили представить бытовую сторону жизни города. В этом отношении до археологических раскопок Минск был для нас поистине белым пятном. Теперь туман полного неведения в значительной степени развеялся. Археологическое изучение Минского Замчища показало развитость в городе различных ремесел. Даже раскопки сравнительно небольшого участка внутри такого специфического района, как укрепленный детинец, предоставили материал, позволяющий судить об основных чертах минского городского ремесла. Инструменты, заготовки, сырье и многочисленные готовые изделия, найденные во время раскопок, говорят о существовании в городе собственного произ-

Кузнечные
клещи

водства. Было бы, конечно, ошибкой считать все найденные вещи изготовленными минскими мастерами. Среди них, несомненно, были и привезенные из других мест. И тем не менее представляется бесспорным существование в городе основных видов ремесла, обслуживавшего как нужды горожан, так и сельского населения окружающих деревень. Как и другие древнерусские города, Минск был городом ремесленников. О каких же ремеслах говорят археологические раскопки?

Кузнецы. Важнейшей отраслью минского ремесла, характеризующей в целом уровень развития производительных сил, было кузнечное дело. Исходным материалом для кузнецов было железо, получаемое сыродутным способом из болотных и луговых руд. Выплавка руд, по-видимому, производилась деревенскими кузнецами, как это наблюдается на примере других областей Руси, и железо в виде определенной формы и веса крицы поступало в города взамен готовых городских ремесленных изделий.

О минском железообрабатывающем ремесле говорят многочисленные находки различных по своему назначению готовых изделий, среди которых на первое место следует поставить инструментарий. Инструмент, как правило, имеет заметные следы работанности, что указывает на местный характер ремесел, для которых он предназначался.

Так, в слоях, относящихся к XIII—XIV векам, были найдены кузнечные клещи длиной в 50 сантиметров. Для пробивания отверстий кузнецы, как и теперь, применяли бородки. Один

такой бородок был найден на Замчище в слое XII века. От длительного употребления конец бородка притупился, а головка расплющилась. Многие инструменты, найденные на Минском Замчище, находят применение в других ремеслах, поэтому о них мы расскажем позже.

Ассортимент изделий кузнецов чрезвычайно широк. Помимо инструмента, из железа изготавливались ножи, ножницы, шилья, иглы, орудия, связанные с сельским хозяйством и различными промыслами, всевозможные предметы домашнего обихода и утвари, принадлежности костюма, изделия, связанные с военным бытом, и т. д.

Металлографические исследования железных изделий, найденных в раскопках Минска, показали, что кузнецы умели варить сталь, сваривать ее с железом, знали термическую обработку. Режущие и рубящие орудия, как правило, имели стальное лезвие или целиком изготавливались из стали. Технические новинки ремесла быстро проникали в различные области Руси. Заметно стремление кузнецов к совершенствованию технологии и приемов обработки материалов. Желание выпустить на рынок как можно больше товаров побуждало их искать более простые и экономные способы производства. В качестве любопытного примера можно привести изменения технологии изготовления ножей, на которые, естественно, был всегда большой спрос.

В XI и начале XII века минские кузнецы сваривали нож из трех полос: две крайние были железными, средняя — стальной. Ножи получались очень высокого качества — сколько бы раз их ни затачивали, лезвие оставалось стальным.

Но изготовление таких ножей было сложным и требовало значительного времени. Поэтому в начале XII века была выработана упрощенная технология, которая очень быстро вытеснила старую. Стальная полоса стала навариваться на острие железного клинка. Качество ножа несколько ухудшилось, зато была достигнута массовость в их производстве. Интересно, что это явление характерно для всей Руси, и оно является одним из свидетельств общности развития русского железоделательного ремесла.

Изучение готовых изделий показывает, что минские мастера по железу владели всеми необходимыми техническими приемами обработки черного металла.

Чтобы выточить предмет или какую-нибудь его отдельную деталь или придать предмету гладкую поверхность, применялась операция обточки с помощью точильных кругов и каменных брусков. Количество найденных на Замчище точильных брусков доходит до сотни. Основным материалом для них служили песчаник и сланец. Найден и круглый, сделанный из сланца, точильный камень с квадратным отверстием в центре для насадки на вращающуюся ось специального станка.

Многие изделия несут отчетливые следы обработки напильником. И хотя в Минске напильники пока еще не найдены, применение их не вызывает сомнения.

Необходимой операцией слесарных работ является пайка. Как показывает изучение минских вещей, этот процесс соединения двух или больше предметов был хорошо известен местным ре-

месленникам. В зависимости от характера и назначения изделия ими применялись и легкоплавкие припой и твердые на медной основе.

Некоторые железные изделия, найденные при раскопках Замчища, имели покрытие оловом, медью, серебром, инкрустированы различным образом. Есть, следовательно, все основания говорить о знакомстве местных мастеров с технологическими операциями покрытия и инкрустации железа и стали цветными и благородными металлами.

Ювелиры. Искусство русских ювелиров славилось далеко за пределами страны. Археологические раскопки даже небольших масштабов обычно всегда приводят к открытию изделий ювелирного ремесла. Много их найдено и в Минске. Некоторые находки говорят о местном производстве. Так, обычным инструментом ювелира является пинцет. В Минске их найдено четыре. Одни пинцеты имеют такую же форму, как и современные, всем хорошо знакомые медицинские, другие представляли своего рода небольшие тисочки. Положение губ у них в прижатом состоянии фиксировалось специальным кольцом. В раскопках найден небольшой глиняный сосудик — тигелек, в котором расплавляли металл. Даже в крепости жили ювелиры. В одном городском дворе XII века, занимавшем место возле самого вала, была найдена группа вещей, которая очень убедительно свидетельствует о занятиях жителей этой усадьбы. Все они найдены возле или внутри небольшого деревянного сруба размером 4X4 метра, стоявшего в глубине двора. Пол постройки был тщательно выстлан березовой ко-

**Ювелирный
пинцет**

рой — берестой. На белом чистом полу ведь легче было найти упавший инструмент или изделие. Постройка, очевидно, использовалась в качестве летнего рабочего помещения или служила складом. Среди груды вещей самого различного назначения на полу были найдены две створки одной составной литейной формы, сделанные из мелкого светло-серого известняка. Одна створка сохранилась целиком, от другой — только половина. В формочке вырезаны гнезда для отливки сразу трех маленьких пуговиц. Здесь же найдена и пуговица, отлитая очень грубо и окончательно не отделанная, очевидно, из-за неудачной отливки. Такие изделия относят к производственному браку. Они всегда указывают на местное производство, так как никто заведомо негодную или недоделанную вещь покупать не будет. Интересно то, что пуговица, судя по ее размерам, отлита не в той формочке, которая была здесь найдена. Значит, в распоряжении жившего в усадьбе ювелира было не менее двух форм для изготовления пуговиц. Но пуговицами не исчерпывается ассортимент его продукции.

Здесь же в постройке были найдены три, напоминающие по форме рамки пряжек, небольшие накладки, предназначенные, по-видимому, для украшения поясного ремня или конской сбруи. Изделия отливались в односторонних формах, которые сверху прикрывались крышкой. От неплотного прилегания крышки к форме между ними затекал металл, в результате чего на изделии оставались заусеницы. Их после стачивали брусом или напильником. Наличие заусениц —

признак Незавершенности изделия и показатель местного производства. Все три накладки имели такие заусеницы. Две накладки в точности повторяют друг друга, что позволяет говорить о том, что они были отлиты в одной литейной форме.

Еще две прямоугольные накладки, отлитые из оловянного сплава, были найдены на полу постройки.

Как видим, ассортимент изделий минского мастера-ювелира представлен обычными недорогими вещами, изготовлявшимися несложной техникой литья. Характер изделий таков, что они, всего вероятней, изготавливались для рынка. Основными потребителями его продукции, надо полагать, были жители Минска и младшие дружинники из окружающих поселений.

Готовые ювелирные изделия, найденные в раскопках Минска, составляют большую коллекцию. Особенно много женских украшений: всевозможных головных и нагрудных привесок, браслетов, перстней, застежек и т. д. Несомненно, многие из них были изготовлены минскими мастерами. Подробнее о них мы расскажем позже.

Древоделы. Деревообработка всегда занимала большое место в хозяйственной жизни. Вплоть до середины XIX века в деревне, например, 90 процентов всех производственных и бытовых изделий изготавливалось из дерева. Такую же роль играло дерево и в древнерусском городе. Свидетельства деревообработки в древнем Минске многочисленны. В результате археологических раскопок на Замчище мы располагаем

Целым набором деревообрабатывающих инструментов и множеством деревянных поделок, превосходно сохранивших свою форму, благодаря особенностям минского культурного слоя.

Основным деревообрабатывающим инструментом в древней Руси был железный топор. Он был универсальным орудием, необходимым в хозяйстве каждого городского и деревенского двора, и потому находки топоров довольно часты. В Минске их найдено больше десятка. Шесть топоров сохранились целком, а один даже с деревянным топорщиком. Один топор был недоделан: при проковке, по-видимому, откололся обух, и он был выброшен из горна с еще не откованным лезвием.

Для выравнивания поверхности дерева и выдалбливания широких выемок применялись тесла. Известны два типа тесел — втульчатые с легкой коленчатой рукояткой и проушные. Оба типа найдены в раскопках Минска. На втульчатом тесле отчетливо видна стальная наварка на лезвии, которое настолько хорошо обработано, что даже теперь им легко заточить карандаш.

Более распространены были долота и скобели. Первыми выдалбливались пазы и отверстия, вторыми строгаля бревна и тесины. Эти инструменты очень похожи на современные.

На Замчище найдено также два первовидных сверла с острыми режущими краями. Такие сверла насаживались на деревянную рукоятку.

Для обработки дерева, конечно, широко использовались ножи, которые являются самой массовой находкой среди железных предметов. Ножи разнообразны по форме, размерам и на-

**Деревообра-
тывающий
инструмент**

значению. Существовали ножи, специально предназначенные для работы по дереву.

Для приготовления различной деревянной посуды минские мастера применяли специальные резцы. Некоторые изделия были изготовлены на токарном станке по дереву.

Для вытаскивания гвоздей употреблялись гвоздодеры, которые в древнем Минске имели загнутый раздвоенный носок и уплощенный черенок, вбивавшийся в деревянную рукоятку. Надо сказать, что железные гвозди являются довольно частой находкой. Почти все они кованые, имеют квадратное сечение и круглую шляпку. Правда, применяли их, надо полагать, значительно реже, чем теперь. В раскопках не найдено, по существу, ни одного сколоченного гвоздями предмета. Скрепление между собой деревянных частей осуществлялось обычно с помощью различного рода деревянных замков, пазов, шпенок, шул, реже — деревянных гвоздей.

Пила в деревообработке, по-видимому, употреблялась редко. В Минске она еще не найдена ни разу, хотя в других древнерусских городах она нам известна. Впрочем, это не должно удивлять. Судя по этнографическим данным, железная пила получила широкое распространение сравнительно поздно и в строительном деле почти не применялась вплоть до XVI—XVII веков.

Но, конечно, были пилы и в Минске. Были, в частности, небольшие, так называемые уторные пилаки, применявшиеся в бондарном деле, о чем говорят пропилены на клепках от бочек.

Изучение деревянных изделий из раскопок

Ковш

Минска показывает, что местные древоделы хорошо знали и разумно использовали особенности различных пород дерева. Дерево было почти единственным строительным материалом. На постройки шла преимущественно сосна. Значительно реже использовались ель, дуб и береза.

Топорами, теслами, скобелями и клиньями дерево разделялось под брусья, плахи, пластины, доски. Для различных целей употреблялись различные древесные стройматериалы.

Из дерева изготавливали домашнюю утварь, посуду, бочки, ведра, корыта, лопаты, вилы, различные механизмы или детали к ним, транспортные средства, игрушки и т. д.

Деревянная посуда представлена в Минске точеными на токарном станке чашами, которые делались из расколотой вдоль чурки. Некоторые чаши имели изящные округлые стенки и низкий кольцевой поддон, другие — сужающуюся верху точеную ножку.

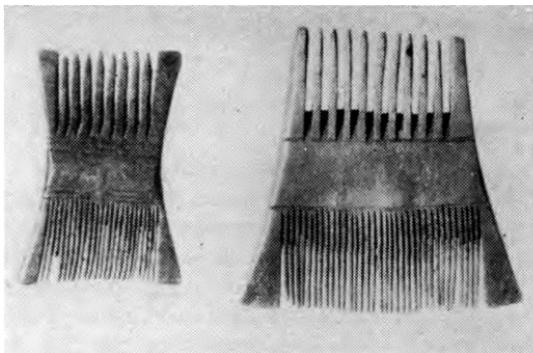
О местном производстве деревянной посуды говорят находки болванок. Ножом и специальным резцом-ложкарем вырезались ковши и ложки. В раскопках Замчища найдено несколько корыт, выдолбленных из целого куска дерева топором и теслом. Из дерева изготавливались различные тары под жидкости и сыпучие тела. От них сохранились часто находимые клепки и днища. Очевидно, все ведра в древнем Минске были деревянными. По высоте клепок и диаметру днищ можно восстановить их размеры. Высота минских ведер, судя по материалам раскопок, колебалась от 27 до 33 сантиметров, диаметр у основания составлял 16 сантиметров.

В одной хозяйственной постройке XIII века было найдено сделанное из луба низкое лукошко с широким деревянным днищем. Лукошко на Руси было и тарой и мерой сыпучих тел.

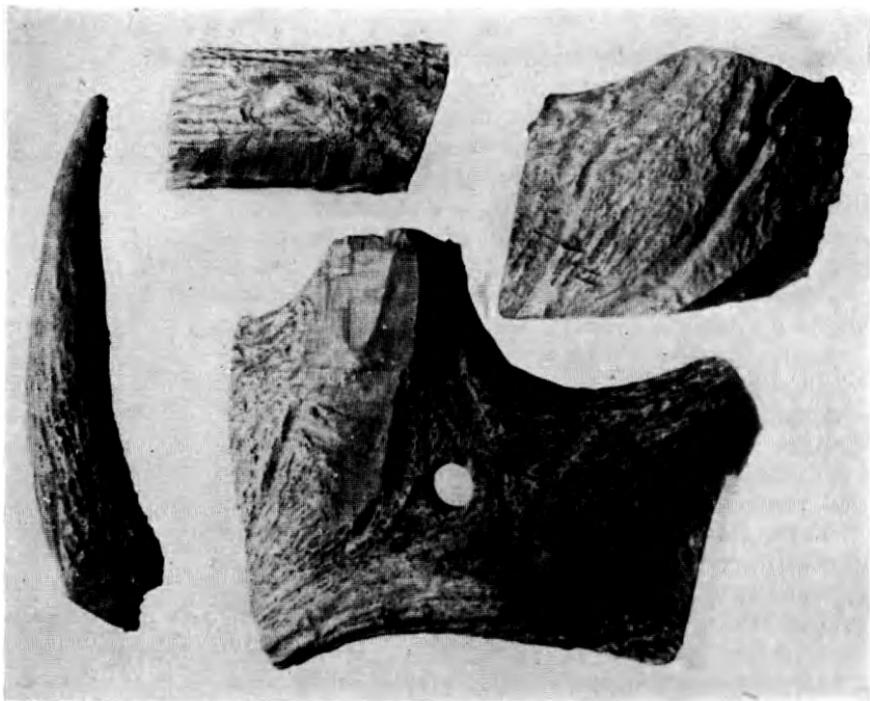
Деревянными были минские лопаты. Только к нижней части прикреплялся железный наконечник — оковка. И лопаты, и оковки найдены при раскопках Замчища.

Косторезы. Многие находки говорят о развитости в древнем Минске косторезного дела. Мы знаем, что обработка кости выделалась на Руси в самостоятельное ремесло. Искусство русских косторезов было настолько хорошо известно на Западе, что его сравнивали с творениями легендарного Дедала, называя резьбу по кости «резьбой тавров», или «резьбой русов».

Технически обработка кости была близка к обработке дерева и требовала схожего инструмента. Материалом служила кость крупных животных, рог, моржовая кость, зубы. Особым предпочтением пользовался рог за легкость его обработки, однородность структуры и вязкость. Основными инструментами костореза были пила, нож, сверло, резец, напильник, токарный станок. О пилах, имевшихся

Костяные гребни

Материал костореза

в распоряжении минских мастеров, говорят пропилены и спилены на многих кусках рога и кости — отходах производства и полуфабрикатах. Специальным инструментом костореза является лучковое сверло. На Замчище в слое XII века был найден металлический стержень такого сверла. На стержень должна была насаживаться приводная катушка и рукоятка. Вокруг приводной

катушки обматывалась в несколько оборотов веревка деревянного лука. Держа одной рукой рукоятку и перемещая другой взад и вперед лук, мастер придавал сверлу вращательное движение.

Некоторые изделия из кости выточены на токарном станке. О существовании станка в Минске говорят отходы токарной работы по кости. Косвенным образом можно говорить о наличии в распоряжении минских косторезов напильников для опиловки и шлифовки кости.

Очень разнообразны находки готовых костяных изделий: рукоятки для ножей, шилья-проколки, всевозможные накладки, оружие, детали одежды и бытовые вещи, украшения и другие.

Некоторые вещи сделаны с большим искусством, многие украшены гравировкой и резьбой. Излюбленным орнаментом был кружковый, наносимый с помощью металлического циркуля.

В слое XII века была найдена костяная фигурка человека, держащего в правой руке рог. Но наиболее многочисленную группу находок из кости составляют двусторонние гребни. У них одна сторона имеет частые зубья, другая — редкие.

Гончары. Больше всего при раскопках найдено обломков глиняной посуды, их несколько тысяч.

Широкая сырьевая база и сравнительно несложная технология, основы которой были заложены в глубокой древности, сделали гончарное производство одним из самых распространенных во всех областях Руси. На самом Замчище следов изготовления посуды не обнаружено, но это не означает того, что в Минске не проживали

Костяная
накладка

гончары. Они скорее всего жили в ремесленном посаде. Местное производство большинства керамических изделий не может вызывать сомнения.

Вся минская посуда изготовлена на гончарном кругу. Этнографические материалы позволяют составить представление об устройстве ранних гончарных кругов. В Белоруссии до сравнительно недавнего времени был известен примитивный гончарный круг, восходящий по своей конструкции, по-видимому, еще к X—XI векам. Основой его являлась низкая скамья, в которой прорезалось отверстие. В отверстие вставлялась ось с насаженным на нее массивным деревянным кругом толщиной в 2—3 сантиметра и диаметром— 15—20 сантиметров. При работе гончар сидит верхом на скамье, левой рукой вращает круг, а правой формирует глину. Для того чтобы вылепленный сосуд легче отделялся от круга, поверхность круга посыпалась песком. Небольшая инерция, обусловленная малой скоростью вращения и сравнительной легкостью деревянного круга, не позволяла вытягивать сосуд непосредственно из комка глины. Гончару приходилось проводить специальную подготовительную работу — лепить сосуд из раскатанных глиняных валков. Затем, вращая круг, гончар сглаживал неровности рукой. Обжиг горшков производился в кострах, домашних печах и специальных гончарных горнах.

Гончарная
посуда

Применение глиняной посуды широко и разнообразно. В ней готовили пищу, хранили запасы, применяли при сервировке стола. Больше всего обломков принадлежит кухонному горшку.

Об этом обычно говорит закопченность наружной стороны черепка и следы пригоревшей пищи.

Постороннему наблюдателю кажется, что все горшки похожи друг на друга: широкое горло, отогнутый наружу край, конусообразное тулово, линейный или волнистый орнамент, украшающий стенки сосуда. Часто недоумевают: зачем собирать все эти похожие один на другой черепки? Черепки так же, как и горшки, конечно, сходны, но не одинаковы. Глаз археолога видит различия в деталях, в общей форме, моделировке верхней части сосуда и т. д. Оказывается, определенные типы сосудов, характеризующиеся совокупностью определенных признаков, бытуют в какое-то одно время. Если удастся выделить такие типы, время существования которых укладывается в определенные хронологические рамки, то керамика может быть использована для датировки древних культурных слоев. Иногда при небольших раскопках, при поисках археологических памятников, которые каждое лето предпринимаются археологами, чуть ли не единственным видом находок является керамика. Вот почему очень важно знать хронологию керамики. Большая толща культурных напластований Минского Замчища с хорошо сохраняющимися строительными остатками, последовательно перекрывающими друг друга, создали благоприятные возможности для хронологической классификации минской керамики.

Помимо обычных кухонных горшков, в раскопках найдены кувшины, миски, чашки. Некоторые сосуды были покрыты цветной глазурью.

Гончары-ремесленники иногда клеймили свою

продукцию специальными знаками, которые проставлялись на днище сосудов. Такие клейменные горшки найдены и на Минском Замчище.

Кожевники. Широкое развитие в древнем Минске получило кожевенное дело, представленное инструментами, многочисленными обрывками кож, серией готовых изделий.

Хотя ясно выраженных следов первичной обработки кожи на Замчище пока не обнаружено, сомневаться в местном характере кожевенного дела едва ли возможно. Изучение костей, найденных при раскопках, показало, что минчане имели коров, лошадей, свиней, овец, коз и т. д. Следовательно, сырьевая база для кожевников была вполне достаточна. При первичной обработке шкур используются косы, струги, ножи. Все эти вещи были найдены и на Минском Замчище.

Среди находок кожи основную массу составляют обрезки и детали кожаной обуви, т. е. находки, связанные прежде всего с сапожным ремеслом. Некоторые механически обработанные и продубленные кожи окрашивались в черный и темно-коричневый цвета.

Деревянные колодки-правила, найденные при раскопках Замчища, имели разную форму и назначение. Некоторые были симметричные, т. е. предназначались для шитья обуви и на правую и на левую ногу; другие имели явно асимметричную форму, т. е. использовались для изготовления обуви только на одну правую или левую ногу.

Найденные в Минске шилья имеют преимущественно прямой и круглый в сечении стержень с острием на одном конце и плоским черен-

ком — на другом. Черенок вставлялся в деревянную рукоятку. Стальные иглы почти ничем не отличались от современных.

Минские сапожники знали различные способы сшивания деталей обуви. На образцах готовых изделий отчетливо видны наружные, выворотные и потайные швы.

Два типа обуви были наиболее распространены в древнем Минске: мягкие туфли и поршни. Верх туфель состоял из одного или двух кусков кожи. К нему пришивалась мягкая подошва. На ногу мягкий туфель крепился с помощью кожаного шнура, продетого в прорези на уровне щиколотки. Некоторые туфли крепились ремешками, выкроенными вместе с верхом. Большая часть туфель украшалась нарядной вышивкой. Поршни изготавливались из целого куска кожи. Мужские поршни делались чаще всего из толстой, хорошо продубленной кожи-яловки, детские и женские — из легкого опойка или выростка. К ноге поршни крепились длинным ремешком, продетым в прорези, сделанные на головке, боковых сторонах и заднике.

Значительно реже в древнем Минске носили сапожки и полусапожки и почти совсем не носили лаптей. Между прочим, такая картина наблюдается и в других хорошо исследованных археологически древнерусских городах. Всем известное выражение «лапотная Русь», по всей видимости, возникло сравнительно поздно.

Помимо обуви, в раскопках Минска найдены и другие изделия из кожи: рукавицы, кошельки, футляры для ножей — ножны, пояса, кнуты, мячи и т. д. Кожа большей части этих изделий

отличается тонкостью, хорошей выделкой, прочностью. Рукавицы выкраивались из двух кусков кожи, одинаковых по форме и размерам. Кошельки имели разные фасоны и технику пошивки. Одни шивались из двух кусков кожи, другие — из одного. Кожаные ножны являются довольно частой находкой. Техника их изготовления не сложна: кусок кожи, подобранный по размеру ножа, сгибался по своей длине пополам и прошивался двумя швами. К поясу ножны крепились ремешком, продетым через два отверстия в верхней части изделия.

Материалы раскопок Минского Замчища убедительно свидетельствуют о высоком уровне кожевенного ремесла в древнем Минске, об его сравнительно высоком месте в ряду других производств.

Мы охарактеризовали основные ремесла, существование которых в древнем Минске не вызывает сомнения. Но каждое из ремесел имело в свою очередь глубокую дифференциацию. По подсчетам академика Б. А. Рыбакова, Русь знала свыше 60 различных специальностей. Только в кузнечном ремесле их было не менее 16. Конечно, не каждый русский город располагал всеми известными специалистами. Наличие широкой специализации следует предполагать в таких крупных городах, как Киев, Новгород, Смоленск, Полоцк, и ряде других. Минск значительно уступал им. Каким же был предположительный состав минских ремесленников? Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны иметь в виду то обстоятельство, что существование каждого города предполагает наличие регуляр-

ной связи между ним и сельским окружением. Следовательно, количество ремесленных специальностей, имеющих в том или ином городе, не всегда определяется емкостью внутреннего городского рынка, размерами города и численностью его населения. Многие городские ремесленники имели потребителем своей продукции не только жителей данного города, но и жителей тяготевших к городу деревень. Отдельные ремесленные изделия вообще имели большой рынок сбыта и широкий круг потребителей.

В Минске несомненно прежде всего проживание кузнецов-универсалов, выполнявших различные работы по изготовлению и ремонту железных изделий. По мнению крупного специалиста в области черной металлургии и металлообработки в Древней Руси Б. А. Колчина, на долю городских кузнецов-универсалов приходилось изготовление не менее 70 видов железных изделий. Сюда относятся в первую очередь те изделия, производство которых требовало лишь простой кузнечнойковки и сварки. Большая часть продукции, естественно, предназначалась для сельского потребителя. Поэтому правомерно предположить существование в древнем Минске ремесленников, специализировавшихся на производстве качественных стальных орудий труда и инструментов, необходимых деревне, — серповников, косников, секирников, ножовников. Все эти вещи в достаточном количестве найдены при раскопках Минского Замчища.

Среди находок, особенно из ранних слоев, большая доля принадлежит предметам вооружения и военного быта. Поддержание на должном

уровне боевой готовности войска требовало заботы о вооружении. Для обслуживания военных нужд минского гарнизона или княжеской дружины требовались кузнецы, специализировавшиеся на производстве и ремонте оружия. Здесь в первую очередь следует назвать Стрельников, продукция которых пользовалась постоянным спросом. Стрел найдено в Минске много. Среди них есть совершенно одинаковые по типу и технике изготовления наконечники, найденные в одном слое. Есть все основания считать, что сделаны они одним мастером.

Весьма вероятно существование в древнем Минске гвоздочника. В раскопках найден предмет, напоминающий гвоздильню.

Хотя среди находок имеются вещи, изготовленные удниками, булавоочниками, замочниками и другими специалистами, занятыми обработкой черного металла, мы еще пока не можем на этом основании утверждать, что в древнем Минске были профессии удника, булавоочника, замочника и т. д.

Археологические материалы из раскопок Минска, как мы это показали выше, неопровержимо свидетельствуют о существовании в городе местного ювелирного производства. Но удивительное единообразие приемов, которыми пользовались русские ювелиры, создает иногда непреодолимые трудности в выделении тех изделий, которые, несомненно, сделаны местными мастерами. Поэтому, несмотря на известную нам в результате исследований ряда специалистов дифференциацию в русском ювелирном ремесле, мы еще ограничены в возможностях установить список

отдельных профессий минских ремесленников-ювелиров. Можно говорить о том, что в Минске проживали «кузнецы меди», литейщики.

Деревообработка на Руси в значительной степени стояла на грани между ремеслом и домашним промыслом. Но богатый ассортимент деревянных изделий, насчитывающий десятки разнообразных вещей, убедительно свидетельствует о дифференциации деревообрабатывающего дела. Ведь не могли же они все изготавливаться внутри каждого городского хозяйства. Требовалось применение различных технических приемов, требовалась специализация ремесла. Академик Б. А. Рыбаков на основе изучения письменных источников и археологических материалов устанавливает следующий примерный список профессий в деревообработке: плотники, огородники (строители городских стен), мостники, тесляры (столяры), токари, бочары, ковшечники (резчики дерева), лодейники.

Объективные условия для существования в Минске многих из названных профессий были налицо: окруженный лесами город не испытывал недостатка в древесине, а потребность в деревянных изделиях самого различного назначения была всегда. Если профессии огородников и мостников обслуживали почти исключительно нужды города и потому в значительной степени зависели от его размеров и от обеспеченности заказами внутри города, что не позволяет их считать характерными для всех городских поселений, то остальные профессии, судя по материалам, которыми мы располагаем, вполне могли быть в Минске. Вполне вероятно существование

в городе плотников, тесляров, токарей, бочаров ковшечников, а также лодейников.

Строительство в Минске каменного храма с внутренней облицовкой известняковыми блоками предполагает существование в городе в конце XI века каменщиков.

Несомненно существование в городе гончаров, которые, по-видимому, проживали в посаде. Там же селились в основном и кожевники, хотя жили они и в детинце. Из открытых на Замчище построек одна определенно служила сапожной мастерской.

Большое количество отходов косторезного дела, найденных при раскопках Замчища, позволяет причислить к списку минских ремесленников также косторезов. Наконец, весьма вероятно существование в древнем Минске работавших на заказ портных, шевцов и ткачей.

Если объединить ремесленников по производственному принципу, то можно говорить о существовании в древнем Минске групп ремесленников, занятых в железообрабатывающем ремесле, ювелирном, гончарном, деревообрабатывающем, оружейном, в ремеслах, связанных с обработкой кожи, ткани, кости и камня.

Основную часть городского населения составляли свободные ремесленники, но возможно также существование в городе зависимых вотчинных мастеров.

Подсобные промыслы и сельское хозяйство. Большая роль в хозяйственной жизни города принадлежала различным домашним промыслам, земледелию, скотоводству, собирательству, охоте, рыболовству.

Материалы археологических раскопок Минска хорошо иллюстрируют, например, состояние и технику прядения и ткачества, которыми занимались почти в каждом дворе.

Сырьем для изготовления тканей, которые, надо сказать, достаточно хорошо сохраняются в минской почве, служили шерсть и растительные волокнистые вещества.

Настриженная шерсть, как известно из этнографических данных, разбиралась обычно руками или чесалась для того, чтобы разрыхлить ее и придать волокнам одно направление. Для чесания шерсти в Минске употребляли деревянные гребни. Один такой специализированный гребень был найден в слое начала XII века.

Подготовка к прядению волокнистых растений более трудоемка. Она включает ряд операций: обмолот, стлание, мятье, трепание и чесание. Некоторые из этих операций можно проследить по материалам раскопок Замчища.

Основными волокнистыми растениями, использовавшимися для изготовления ткани в древнем Минске, были лен и конопля. В раскопках были найдены обрывки льняной ткани, стебли и зерна льна, зерна конопли. Известно, что отряхивание костры и грубых частиц волокна производилось трепанием. Деревянные трепала, имевшие форму небольшого весла и ножа, найдены в раскопках Замчища. Интересно, что ножевидные трепала удерживаются в белорусской деревне до сегодняшних дней. Для чесания волокон употреблялись те же гребни, что и для чесания шерсти.

Основным способом получения нити было прядение на веретене. Минские веретена пред-

ставляли собой тонкую деревянную палочку с несколько утолщенным нижним концом. Длина веретен — 18—25 сантиметров. Для того чтобы придать веретену большую инерцию при вращении, на него надевали небольшой каменный грузик-пряслице. В XI—XIII веках на Руси повсюду бытовали серые или розовые шиферные пряслица, изготовлявшиеся на Волини крестьянами нескольких деревень. В Минске таких пряслиц найдено несколько сот.

Напряденные и намотанные на веретено нитки перематывались затем в мотки. Как показывают этнографические наблюдения, самый простой и наиболее распространенный способ приготовления мотков состоит в мотании через плоскость стола или скамьи. Но имеются и специальные приспособления — мотовила, представляющие собой стержень, на одном конце которого имеется вилка, а на другом — поперечная планочка. Видимо, частями мотовил являются часто находимые при раскопках Замчища деревянные вилки-рогульки со сквозным отверстием между рогов. Некоторые вилки найдены со вставленными в них сломанными деревянными стержнями.

Для снования применялись полые костяные цилиндрики с двумя или тремя отверстиями сбоку — юрки. Они были найдены при раскопках Минского Замчища.

Ткали на горизонтальных ткацких станках. О существовании в древнем Минске горизонтального ткацкого станка говорят, между прочим, находки юрков, которые для снования на вертикальном станке не нужны. Имеются и дру-

гие данные. В слое второй половины XI века и середины XII века были найдены боковые планшетки от набилок горизонтальных ткацких станков и деревянная подножка.

Домашнее прядение и ткачество целиком ложилось на плечи женщин. Процессы, связанные с домашним ткачеством, крайне трудоемки. Особенно много времени уходит на прядение. По подсчетам этнографов, на прядение 16 килограммов кудели требуется 955 часов. Чтобы соткать три холста общей длиной в 150 метров, нужно затратить около 1920 часов. Домашнее производство обеспечивало основные потребности семьи в тканях и одежде.

В древнерусское время не только деревня, но и город были тесно связаны с земледелием. Жители древнего Минска, наряду с занятием ремеслом и торговлей, также сеяли, жали и разводили скот. Доказательства этому — довольно частые находки земледельческих орудий и тысячи костей животных.

Землю обрабатывали сохами и мотыгами. В раскопках Замчища найдено два обломка железных наконечников сох — так называемых «сошников». Самый ранний сошник, датируемый второй половиной XI века, принадлежит многозубой сохе, типичному орудью рыхлящего типа, распространенному в лесной полосе Восточной Европы. Для рыхления земли могли также применяться лопаты.

Жали железными серпами, которые по своей конструкции, размерам, а иногда и технологии очень близки к современным. В Минске их найдено около двух десятков, преимущественно в

Коса, серп,
оковка лопаты

обломках. Для большинства серпов характерен сдвиг вершины дуги лезвия в сторону рукоятки. Такая форма не допускала чрезмерного увеличения углов резания в разных точках клинка, что делало серп более удобным в работе. Большая часть серпов имеет насеченное лезвие.

Некоторые серпы были подвергнуты микроструктурному анализу. Среди них оказались стальные, железные и железные с наварным стальным лезвием.

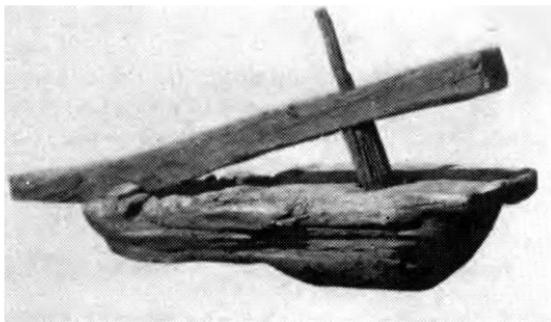
Орудиями сенокосения были косы. По способу крепления к рукоятке минские косы значительно отличались от современных. Их рукоятки были коленчатые и короткие. Сами косы имели длину 41—50 сантиметров. Косы были необходимы в каждом хозяйстве, где имелся скот.

Зерно хранилось на Руси в специальных помещениях (клетях) и в хлебных ямах. Но последний способ хранения не был характерен для Минска. Минские постройки не имели подпольных ям. Ни разу не обнаружены и специализированные кладовые ямы. Видимо, во многом это объясняется особенностями почвы, влажной и насыщенной органическими остатками.

На полу некоторых сгоревших построек были обнаружены значительные запасы зерна. Среди злаков обильней всего представлена рожь, затем пшеница, ячмень и просо.

Зерно мололи на ручных жерновах. Находки их довольно часты в постройках или около них. Жернова состояли из двух каменных дисков с отверстием в центре. Нижний жернов имел конически-выпуклую поверхность, верхний — конически-вогнутую. В одной из хозяйственных

построек, относящейся к середине XIII века, были найдены два совершенно новых, еще не бывших в употреблении жерновых камня, поставленных один на другой.

В Минске имелись ручные мельницы, в которых регулировался зазор между камнями. Об этом свидетельствуют находки железных и деревянных порхлиц, посредством которых верхний жернов укреплялся на вертикальном штыре. Верхний жернов имел специальный деревянный боковой подшипник, в котором укреплялся один конец ручки. Такой подшипник был тоже найден в раскопках.

Обдирка зерна на крупу производилась в деревянных ступах. При раскопках Замчища были найдены две совершенно уникальные ножные ступы и одна ручная. Одна ножная ступа была обнаружена в хозяйственной постройке XIII века почти в собранном виде. Это была целая машина. Как можно заключить, ступа состояла из трех основных частей: основания, рычага и песта. Основание было сделано из толстой сосновой плахи и имело длину 1,3 метра и ширину — 0,5 метра. Верхняя часть представляла собой плоскую площадку с невысоким бортиком, чтобы зерно не просыпалось. В центре площадки была выдолблена конусообразная чаша глубиной 22 сантиметра. На другом конце основания сде-

Ножная деревянная ступа

лан продольный сквозной выруб, через который проходил дубовый рычаг, поставленный на толстую планку — ось, укрепленную в боковых крыльях основания. Точно против чаши в рычаге крепился деревянный пест — толкач. Такое же устройство имела и другая ступа, обнаруженная в сгоревшей жилой постройке середины XII века.

Немаловажную роль в хозяйственной жизни минчан играло скотоводство. Состав стада домашних животных, относительное значение охоты, а также видовой состав зверей, являвшихся объектами охоты, были установлены на основании изучения костей, которых всегда очень много в раскопках. По определению старшего научного сотрудника Академии наук БССР В. В. Щегловой, 87,1 процента из числа всех установленных животных были домашними. Больше всего в Минске разводили свиней и коров. Были также овцы, козы, собаки и кошки.

Как можно судить по материалам определения костей, охота в жизни населения древнего Минска не имела особого промыслового значения. На долю диких животных приходится всего около 13 процентов выделенных особей. Охотились больше всего на зубра, лося, кабана и барсука.

Сравнительно небольшое количество костей принадлежало рыбе и птице.

Основным оружием охоты был лук со стрелами. Наконечников стрел в Минске найдено несколько десятков. Среди них есть железные, костяные и даже деревянные. Для охоты могли также употребляться копья, дротики и топоры.

Острого

Рыбу ловили на железные крючки и блесна, острогами и сетями. Найденные в раскопках крючки все больших размеров, они предназначались для ловли крупной рыбы, которой, по-видимому, было в Свислочи значительно больше, чем теперь. Внешне крючки ничем не отличаются от современных. На конце острия всегда делалось жало.

Очень частые находки кусков воска говорят о существовании бортничества, одного из древнейших занятий славян. Если иметь в виду, что на Руси в то время не было ни сахара, ни водки, то легко можно себе представить ценность меда, вкусного, питательного, полезного продукта, из которого, кстати, варили хмельной напиток — медовку. Среди находок, обнаруженных на Минском Замчище, имеются своеобразные металлические скобы с острым шипом, которые некоторые археологи считают специальными приспособлениями для лазания на деревья — древолазными шипами.

Об известной роли собирательства в жизни древних минчан говорят повсеместные находки лесных орехов и диких плодов.

Быт. Археологические раскопки на Минском Замчище дали возможность получить представление о различных сторонах быта жителей древнего Минска.

Ряд находок относится к деталям костюма и украшениям его. Древнерусский костюм известен нам по миниатюрам, сохранившимся на страницах некоторых литературных памятников, по фресковым рисункам на стенах церквей, по описаниям современников и археологическим

Рыболовные принадлежности

данным. Для реконструкции костюма древних минчан мы, конечно, можем использовать материалы, относящиеся к Руси вообще. Но лучше, разумеется, иметь и местные источники. Таким единственным источником являются данные археологии. К сожалению, археологические раскопки дают лучшие возможности представить украшения костюма, чем сам костюм. И все же кое-какие материалы у нас уже есть. При раскопках Замчища в слое XII века была найдена небольшая костяная фигурка человека, одетого в короткую рубаху, подпоясанную выше локтей поясом. На длинных рукавах заметен широкий обшлаг. Рубаха с поясом, как известно, составляла традиционную часть русской мужской одежды. О коротких куртках русов — под куртками следует понимать рубахи — говорят арабские путешественники. Штаны, очевидно, заправлялись в сапоги или шерстяные носки или обматывались внизу льняными онучами, что характерно было для костюма крестьянина.

Таким следует представлять себе наряд рядового минчанина.

В раскопках найдены обрывки кожаных ремней, металлические поясные накладки, пряжки. Некоторые пряжки очень похожи на современные, некоторые имеют характерную для того времени лировидную форму. К поясу часто подшивались различные бытовые вещи: ключи, ножи, точильные бруски, огнива и др.

Рубахи застегивались пуговицами — медными, шарообразной формы с ушком, костяными и деревянными. Все основные типы пуговиц найдены в раскопках Замчища.

Одежды шились из различных тканей. Наряду со сравнительно простыми льняными и шерстяными одноцветными тканями в Минске найдены куски очень нарядных, сплошь украшенных орнаментами тканей. Роскошные одежды феодалов и богатых горожан обшивались жемчугом. О таких одеждах упоминает летопись, мы видим их на фресковых портретах русских князей. Бисерный жемчуг был найден при раскопках Минского Замчища в слоях XII века.

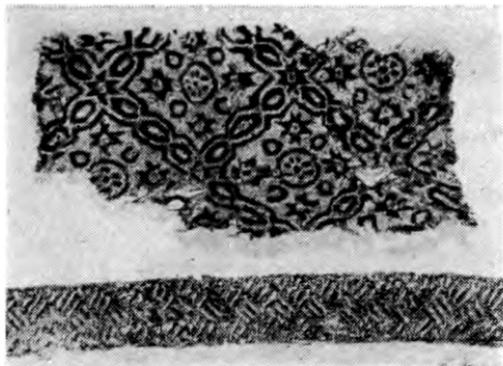
Одеждой знати были плащи, застегивавшиеся пряжкой-фибулой возле правого плеча. Такие фибулы найдены в Минске.

Женщины, судя по одному погребению, обнаруженному внутри фундамента храма, носили длинные платья, подпоясанные на талии шерстяным поясом с бронзовой пряжкой. На ногах были мягкие кожаные туфли, часто украшенные вышивкой. Волосы сплетались в две косы, которые укладывались вокруг головы. Лоб повязывался лентой-венцом, к нему, вероятно, подвешивались различные украшения. В Минске найдены проволочные перстнеобразные кольца, которые вплетались женщинами в волосы около висков (от этого их называют височными) и прикреплялись к головным уборам.

К числу дорогих головных украшений принадлежали колты. Носили их преимущественно городские женщины. В Минске найдено два колта. Один сделан из двух спаянных между собой по краям серебряных пластин, на каждой из которых изображены по две фантастические птицы с повернутыми друг к другу головами. По краям колт окружен ажурной каймой. Внутри колт по-

Фигурка
человека
из кости

Обрывки ткани
и пояска

лый. В него должна была вкладываться ткань, смоченная душистыми маслами. Так душились минские женщины. Другой колт был сделан из оловянного сплава. Поверхность пластин украшена узорами, составленными из мелких зерен-шариков. Крупные пу-

стотелые шарики окаймляли колт по краям.

Женских украшений вообще найдено много. Они очень разнообразны. В совокупности они составляли изящный декор женскому костюму. Обилие и разнообразие украшений частично компенсируют сравнительную скудность остатков женской одежды.

Очень распространенным украшением были различные нагрудные привески. Еще во времена язычества они приобрели значение амулетов, оберегавших якобы их носителя от болезней и несчастных случаев. Ранние типы таких привесок явно отражают языческую мифологию славян. Так, в состав ожерелья часто входит украшение, по форме напоминающее полумесяц. Оно и называется лунницей. В Минске их найдено три штуки. Поверхность лунниц, отлитых из бронзы, украшалась зерненым орнаментом.

Один найденный в Минске амулет изображал стилизованного коня. Обычно амулет-конек входил в состав набора, состоящего из миниатюр-

ного бубенчика, ключика, ложечки. Стандартность форм коньков, происходящих из различных районов, позволила академику Б. А. Рыбакову высказать мысль о существовании единого центра их изготовления в Смоленске или около него.

Другой бронзовый амулет имел форму маленького меча с отверстием в центре клинка для подвешивания. Подобные амулеты были найдены и в других местах.

Но, пожалуй, самым распространенным украшением женщин были браслеты: витые, плетеные, крученые, гладкие, пластинчатые и т. д. Основным материалом была бронза. Однако в раскопках Минского Замчища найден и золотой браслет весом в 75,472 грамма, сделанный с большим искусством. Браслет сплетен из нескольких золотых толстых проволок. На обоих концах изображены стилизованные звериные головки.

Типичным украшением городских женщин были стеклянные браслеты. В деревне их не носили. В раскопках Минска их найдено около тысячи штук. Конечно, из-за хрупкости материала только один браслет оказался целым, остальные представлены в обломках. Браслеты различаются между собой по цвету, форме, толщине, химическому составу и т. д. Интересно отметить, что в разное время наблюдается мода на определенный тип или цвет браслета. Так, в конце XI — начале XII века модными в Минске были цвета черный, синий и голубой. Зеленые и коричневые браслеты распространяются в XII и XIII веках. В конце XI — первой половине XII века

**Женские
украшения**

Золотой браслет

носили преимущественно крученые, довольно толстые браслеты. Со второй половины XII века становятся модными тонкие гладкие браслеты.

В своих исследованиях археологи часто пользуются методами естественных наук. Спектральное или микроструктурное изучение отдельных найденных предметов или их сплошное обследование позволяет

не только заглянуть внутрь изделия и раскрыть тайны технологии его производства, но часто дает материал для важных исторических выводов и обобщений. То, что не видно из формы изделия, раскрывается под микроскопом или спектрографом.

В этой связи хотелось бы рассказать о результатах спектрального изучения минских браслетов, полученных в лаборатории спектрального и структурного анализа кафедры археологии исторического факультета Московского университета.

Из 100 исследованных браслетов 1 оказался сделанным из свинцово-кремнеземного стекла, 4 — из натриево-кальциево-кремнеземного, 17 — из натриево-калиево-кальциево-кремнеземного и 78 — из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Как можно видеть, большая часть браслетов была изготовлена из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Оно становится самым распро-

страненным на Руси начиная с XII века, и это дало основание предполагать выработку калиево-свинцово-кремнеземного стекла русскими мастерами.

Второе место по количеству в Минске занимают браслеты, изготовленные из натриево-калиево-кальциево-кремнеземного стекла (17%). Стекло этого состава, по мнению специалистов, знаменует собой определенный этап в истории древнерусской технологии стекла, характеризующийся постепенной переработкой античного рецепта, по которому изготавливали стекло в Византии. Нам известно, что такое стекло изготавливали с середины XI века до 70—80-х годов XII века поселившиеся в Киеве греки-стеклоделы. Почти все найденные в Минске браслеты, сваренные по этому рецепту, найдены в слоях второй половины XI—60-х годов XII века.

Наконец, 4 браслета из 100 исследованных были изготовлены по античному рецепту, и, по всей видимости, их следует считать византийским импортом. Все они поступили в Минск в начальный период его существования.

В Минске не обнаружено следов местного производства стекла. Очевидно, здесь его не было. Но если проследить за временем бытования в Минске браслетов различного химического состава, то легко обнаружить, что они имеют такую же хронологию, как и стеклянные изделия киевского производства. Отсюда можно сделать вывод, что основным поставщиком стеклянных изделий в Минск был Киев. После того как в 1240 году монголы захватили Киев и разрушили мастерские, где выработывались стеклян-

ные изделия, производство стекла там прекратилось. Прекратилось и поступление стеклянных браслетов в Минск. После 1240 года их здесь уже почти нет.

Описание женского наряда будет неполным, если мы не упомянем о перстнях и бусах. Подобно браслетам, перстни изготавливались из металла и стекла. Были перстни и из янтаря. Обычным металлом для перстней была медь и бронза, значительно реже — серебро. Стеклянных перстней найдено в Минске сравнительно немного. Сделаны они из голубого, синего, зеленого, черного и фиолетового стекла. Всего вероятней, стеклянные перстни, как и стеклянные браслеты, привозились преимущественно из Киева.

Бусы всегда были модным украшением. Это можно видеть даже теперь. При раскопках Минского Замчища было найдено свыше сотни различного типа бус. Излюбленным материалом для них было стекло, но были также каменные, костяные и янтарные бусы. Стеклянные бусы различались между собой по форме, размерам, цвету и т. д. Были мелкие бисерные бусы, были крупные шарообразные, были бусы бочковидные, лимоновидные, цилиндрические, ребристые. Некоторые бусы были орнаментированы гладкой спиралью или глазчатым узором. В отдельные периоды наблюдается мода на бусы определенного типа и цвета.

Помимо украшений и отдельных деталей костюма, в раскопках найдено очень много различных предметов повседневного быта: ножей, ножиц, замков, ключей, дверных ручек, пряжек, булавок, кресал, писал, предметов христианского

культы и т. д. О некоторых из них интересно знать.

Видимо, трудно представить себе минчанина без ножа, настолько часты их находки. Ведь нож — наиболее универсальное орудие, находящее применение во всевозможных ремеслах, в хозяйстве и быту. Несмотря на кажущееся единообразие ножей, среди них можно выделить такие, которые имеют определенное применение. Так, большую группу составляют хозяйственные ножи, подразделяющиеся на кухонные и столовые. Столовые ножи, в отличие от кухонных, имеют большой крупный и удлиненный клинок, и их рукоятка — деревянная или костяная — часто украшалась орнаментом в виде комбинации кружков или переплетающихся полос.

Были и очень оригинальные складные двулезвийные ножи. Так, клинок одного такого ножа состоял из двух половин — большей и меньшей. Между ними имелось отверстие, через которое проходил штифт, крепивший клинок к рукоятке. Клинок мог поворачиваться в рукоятке на 180°. Но такие ножи были редки и, по-видимому, дороги.

Ножницы в древней Руси были двух типов. Наиболее распространены были пружинные ножницы, известные теперь под названием «овечьих». Но тогда их употребляли для самых различных целей: стригли шерсть, использовали в портняжном деле, в туалете и т. д. В Минске таких ножниц найдено около 30 штук. Между собой они различаются в основном размерами. Ножницы, состоящие из двух концов,

Ножи
Ножницы

двух колец и гвоздика посредине, которые нам всем так хорошо известны, тоже были найдены в минских раскопках.

Любопытной бытовой находкой являются замки. Эпоха, предшествовавшая образованию древнерусского государства, не знала их. Возникновение классов и имущественного неравенства сопровождалось распространением воровства. Частые находки различных замков и ключей к ним являются археологическим подтверждением этого явления. Замки интересны тем, что в них, как в фокусе, отражен уровень развития слесарного дела, сложность и разнообразие технических приемов обработки металла. И надо сказать, русские умельцы достигли в этом совершенства. Не случайно замки были известны в средневековой Европе под названием «русских замков». Кстати, тех, кого мы теперь называем слесарями, в древней Руси называли замочниками. Русский замок поражает не только технической стороной, но и выдумкой, хитроумными секретами, заключенными в его конструкции. Открыть замок отмычкой или чужим ключом было чрезвычайно трудно.

Минские замки делятся на две большие группы. К первой относятся съемные, так называемые трубчатые, замки. Состояли они из двух основных отдельных частей — корпуса и дужки. Корпус имел два спаянных между собой цилиндра — один большой, другой — малый, в которые вставлялись концы дужки. В верхнем доньшке большого цилиндра имелся вырез для дужки, в нижнем доньшке — отверстие для ключа. Запирающий механизм замка устраи-

вался не в корпусе замка, как это делается теперь, а на одном из концов дужки. К специальному стержню приклепывались пружинки с расходящимися вверху концами. Число таких пружинок, размеры их и месторасположение составляли секрет замка. При запираании замка дужку вставляли в цилиндры корпуса. Проходя через вырезы в верхнем доннышке большого цилиндра, пружинки, укрепленные на одном из концов дужки, сжимались, а пройдя через доннышко, разжимались и упирались своими концами в него. Так осуществлялось запираение. Для того чтобы отпереть замок, нужно было ввести в большой цилиндр специальный ключ, который бы сжал концы пружинок и позволил таким образом вывести дужку из цилиндра. Вырез в лопасти ключа должен был в точности соответствовать расположению, количеству и размерам укрепленных на дужке пружинок. Много выдумки и изобретательности приложили замочники и к тому, чтобы сделать ключевое отверстие в корпусе замка недоступным для чужих ключей и отмычек.

Трубчатые замки очень разнообразны по форме, конструктивным элементам, размерам и назначению. Некоторые замки состояли из 35 различных деталей из железа, стали и меди.

Вторую большую группу замков составляли неподвижные замки, которыми запирались двери, сундуки, ларцы и т. д. Дверные большие замки состояли из железного корпуса (полочки) и деревянной задвижки, на которой укреплялись специальные плоские пружинки. На полочке корпуса имелась неподвижная упорная планка,

Ключи и замки

Кресала

за которую заскакивали пружины засова, при запирации замка. Чтобы открыть замок, нужно было приподнять пружины засова, упирающиеся в планку, и рукою отодвинуть засов. Приподнимание пружин осуществлялось ключом. Секретом замка была система штифтов, расположенных на корпусе замка возле входного отверстия для ключа. Небольшие сундучные замки делались целиком из металла.

В минских раскопках найдены не только различные замки и ключи к ним, но и множество относящихся к ним деталей: засовов, пружин, петлевых накладок, железных скоб, которыми укреплялись засовы. К изделиям, связанным с замками, следует также отнести замочные личины и дверные ручки. Замочные личины делались из железной пластинки, поверхность которой иногда лудилась оловом и украшалась орнаментами. Ручки от дверей представляли собой железное кольцо с перекинутым через него стержнем или полоской, которые вбивались в дверь. На одной дверной ручке изображены две звериные головы.

Спичек, конечно, в то время еще не было, и минчане получали огонь с помощью кремня и специального железного огнива — кресала. Ранние кресала имели калачевидную форму, но с XII века распространились удлиненные двулезвийные кресала.

Большая заслуга принадлежит советской археологии в изучении древнерусской культуры, письменности, грамотности. Раскопки в Новгороде и ряде других городов обнаружили совершенно новые исторические источники, неизвест-

ные до недавнего времени грамоты, написанные на березовой коре — бересте. Они с несомненностью подтвердили недооценивавшийся ранее факт широкого распространения грамотности в среде городского населения древней Руси. Теперь мы в состоянии конкретно представить себе процесс обучения грамоте. В археологических материалах определены вещи, непосредственно связанные с письмом, настоящие древние письменные принадлежности. Находки таких предметов во многих поселениях древней Руси, о которых иногда вообще молчат исторические источники, позволяют сделать весьма важные наблюдения и в области духовной культуры. Благодаря археологическим раскопкам, в значительной степени изменилось представление о начале грамотности на Руси. Теперь мы уже хорошо знаем, что письменность проникла на Русь за много лет до принятия христианства.

Совсем не случайно обнаруженные археологами новые письменные источники были написаны на бересте. Дерево было самым распространенным и наиболее доступным материалом для письма. Ведь пергамент всегда был очень дорог, а бумага распространилась сравнительно поздно.

О письме на досках имеется ряд упоминаний в русских летописях, и тем не менее до археологических раскопок писание на досках было все-таки предположением, хотя и очень вероятным. И, конечно, невозможно было представить себе масштабов и характера такого письма. Теперь мы располагаем и специальными дощечками для письма, и берестяными грамотами, и тем, чем

Писала

писали. Древнерусские «авторучки», известные из письменных источников под названием «писал», представляли собой заостренный стержень с плоской лопаточкой на одном конце. Изготавливали писала из железа или бронзы и очень редко из кости. Их носили иногда в специальных кожаных футлярчиках, подвешивая к поясу. Древнерусские писала имели точные аналогии в древней Греции и Риме. Нам очень хорошо известно, что они предназначались для письма на дощечках, покрытых тонким слоем воска. Острым концом писала писали, а лопаточкой стирали написанное или заглаживали воск. Такое же применение имели писала и в древней Руси. В Новгороде при археологических раскопках были найдены дощечки, сходные с римскими. Доказано, что ими пользовались прежде всего при обучении грамоте. На внешней стороне одной такой дощечки были вырезаны все 36 букв русской азбуки. Обучаясь грамоте, ученик смотрел на азбуку и выписывал ее на заощенной поверхности дощечки. На дошедшей до нас миниатюре XVI века изображена такая сцена обучения грамоте: ученик держит в левой руке дощечку, а в правой — писало. На дощечке отчетливо видны буквы А, Б, В, Г.

Вероятно, таким же образом обучали грамоте и в древнем Минске. В раскопках Замчища были найдены железные и бронзовые писала таких же форм, как в Новгороде и других древнерусских городах. Писали ими, по-видимому, не только на дереве и бересте. Известно много надписей на камнях, на стенах церквей, на глиняных сосудах. При раскопках Минского Замчища

было найдено несколько предметов с процарапанными на них словами или отдельными буквами. Так, на каменных иконках, о которых мы еще расскажем, были написаны имена Николая, Стефана, Петра. Какая-то надпись имелась на большом глиняном сосуде — амфоре. Но, поскольку от него сохранились только отдельные черепки, содержание ее неизвестно. Только на одном обломке отчетливо видна буква Б. Буквенные пометки, означавшие, возможно, знаки собственности, имеются на веретенах, пряслицах, изделиях из кости. Все эти отрывочные данные дают основание говорить о распространении грамотности среди населения древнего Минска. Можно надеяться, что со временем будут и здесь найдены берестяные грамоты. Береста хорошо сохраняется в минской почве и, судя по раскопкам, широко использовалась для различных надобностей. Своего рода проба пера была обнаружена на одном куске бересты, на котором крест-накрест было прочерчено несколько линий.

И еще об одной находке хочется рассказать. Внутри двора минского горожанина в слое второй половины XII века были найдены четыре небольшие деревянные фигурки. Одна имела форму сигары высотой 6 сантиметров, другая — конус на невысокой цилиндрической подставке, окаймленной пояском. Две другие фигурки были одинаковы: цилиндр высотой 2,2 сантиметра завершался двумя зубцами. Этот набор различных фигурок, включающий, впрочем, совершенно одинаковые по форме, позволяет видеть в них принадлежность какой-то игры, вероятней

Шахматные
фигуры

всего шахмат. Хорошо известно, что первое упоминание о шахматах на Руси содержится в так называемой «Кормчей книге», относящейся к XIII веку. Но как показывают раскопки древнерусских городов, эта игра стала у нас известна значительно раньше. Неоднократно находили шахматные фигуры на территории БССР. Образцом тонкой и высокохудожественной резьбы по камню и кости являются ладьи и пешка из Гродно и Волковыска, выполненные в удивительно реалистичной манере. Но на Востоке, откуда проникла к нам шахматная игра, были распространены абстрактные, геометризованные фигуры. К такому типу принадлежат и минские шахматы. В художественном отношении они, несомненно, уступали гродненской и волковыским фигуркам, но зато интересны другим. В отличие от тех дорогих шахмат, принадлежавших, очевидно, владельцам, стоявшим на высокой социальной ступеньке, минские фигуры были сделаны от руки простым ножом, может быть, даже тем минчанином, во дворе которого они были найдены. Это дает право предполагать широкое распространение искусства шахматной игры в Минске.

Торговля и транспорт. Расположенный на реке Свислочь Минск был связан речными путями с областями Днепровского бассейна. Кроме того, Минск лежал между важнейшими торговыми магистралями Руси — Западно-Двинской и Припятской. Первая была одним из вариантов древнего пути «из варяг в греки», вторая соединяла Русь со странами Центральной Европы. Систойой мелких рек и древних сухопутных дорог

Минск был связан с Неманом. Косвенные показания письменных источников позволяют предполагать, что Минск располагался на скрещении нескольких древних путей. Ведь не случайно первым городом, оказавшимся на пути объединенных сил Ярославичей, выступивших походом против полоцкого князя Всеслава в 1067 году, был Минск. 60 лет спустя, в 1128 году в районе Минска произошло соединение сил князей, выступивших против Полоцка с различных направлений— из Гродно, Турова, Клецка и др.

В древней Руси основными транспортными средствами были корабли, лодки, телеги, сани, лыжи. Остатки различных видов транспорта были найдены и при археологических раскопках Минского Замчища. Конечно, остатки эти весьма фрагментарны, и они еще не позволяют полностью реконструировать облик того или иного вида транспорта. Пока мы только можем говорить о существовании некоторых из них. Особый интерес представляют остатки телег. Еще в полуполюгендарном рассказе о походе на Царьград в 907 году говорится о том, как повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. Упоминания о повозке на колесах есть и в других местах летописи. Но при археологических раскопках до недавнего времени никак не удавалось найти остатков колесного транспорта. Даже в Новгороде, этой сокровищнице русских древностей, где масштабы раскопок были особенно велики, их не оказалось. У некоторых ученых возникли сомнения относительно существования телеги в древнерусское время. Сомнения эти оказались напрасными. При раскопках

Минского Замчища были найдены две дубовые оси и часть колеса со спицами и ступицей. Датируются они XII веком. Колесо домонгольского времени было найдено также в Смоленске, а в Переяславле-Рязанском — тележная ось.

В раскопках Минска были найдены весла и полозья от саней. Все это, вместе взятое, уже позволяет нам составить известное представление о древнем минском транспорте.

Очень интересной находкой, характеризующей торговую жизнь города, является железный безмен. Его рычаг представляет собой железный стержень, на одном конце которого имеются три сквозных отверстия. В них крепилась обоймица с крюком для груза и кольцом для держания или подвешивания. Запас прочности позволял, по мнению специалистов, взвешивать груз в 7—8 пудов.

При попытке осветить вопрос о торговых связях древнего Минска мы неизбежно сталкиваемся с рядом трудностей. Удивительное единообразие материальной культуры древней Руси часто делает чрезвычайно сложным делом локализацию производства отдельных вещей. Очень трудно по внешним признакам отличить изделия, произведенные местными мастерами, от изделий, завезенных в город в результате обмена. Часто мы не можем ответить на вопрос, каким путем тот или иной предмет попал в Минск. Ведь кроме того, что он мог быть приобретен на рынке, он мог быть даром или военной добычей.

Рассматривая обильную коллекцию находок, обнаруженных во время археологических раско-

пок Замчища, мы должны отметить, что в категорию действительно неместных изделий и материалов попадает незначительная часть вещей. Эти вещи, насколько это можно судить из письменных источников, не являлись основными объектами русской торговли. Вот почему отраженное в археологическом материале состояние торговой жизни древнего Минска дает лишь крайне неполное представление о действительной картине этой стороны быта города.

Предметами ввоза из других русских центров были некоторые украшения. К ним, по-видимому, следует отнести дорогие колты. Стекланные браслеты, бусы и стеклянная посуда в основном были киевского производства. Привозными были некоторые предметы христианского культа. Уникальными в художественном отношении являются две каменные резные иконки, найденные при раскопках Замчища. На лицевой стороне одной иконки очень рельефно и с большим мастерством вырезаны три фигуры: слева изображен Никола в рост, с бородой и усами. Над его головой в левом верхнем углу иконки имеется надпись «Никола». Рядом с ним тоже в рост изображен Стефан без бороды и усов, с вьющимися волосами. Над ним в правом верхнем углу плохо сохранившаяся надпись «Стефан». В верхней части иконки над головами Николы и Стефана имеется заключенное в полукруг нагрудное изображение Христа с распростертыми руками. Обратная сторона иконки гладкая. Размеры иконки—6,3Х4,1 сантиметра. Ее, по-видимому, носили на груди в специальном мешочке — «ладанке». Вторая иконка была

**Стержень
от безмена**

Каменные иконки

еще меньших размеров — 3,7 X 3,5 сантиметра. Найдена она была в слое середины XII века. На одной стороне вырезано нагрудное изображение Петра и надпись «Петр», на другой — в той же тонкой манере изображена женская головка. Иконка имела ушко для подвешивания на груди.

Интересна история двух медных крестов-складней, так называемых «энколпионов», найденных в минских раскопках. Кресты-складни состояли из двух половин, между которыми закладывались мощи «святых». Верующие носили их на груди на ремешке или цепочке, продетой через ушко энколпиона. На одном найденном энколпионе в центре изображен распятый Христос, а на концах — нагрудные изображения «святых». Точные аналогии минскому экземпляру найдены во многих местах русской земли, но местом их производства был Киев. Киевские энколпионы точно датируются. Некоторые из них были найдены в постройках, разрушенных монголами в 1240 году во время взятия Киева. Возле Десятинной церкви была найдена и литейная форма для отливки этих крестов.

Другой энколпион интересен тем, что известно еще два совершенно сходных с ним образца, что позволяет говорить о возможной отливке их в одной форме. Один энколпион

хранится в Государственном историческом музее СССР в Москве, другой был найден на юге Крыма. По мнению одного исследователя, он принадлежал древнерусскому ремесленнику, угнанному монголами в Крым для продажи в рабство. Крымский энколпион датируется серединой XIII века. Минский экземпляр найден в слоях, относящихся к этому же времени.

Предметом южного импорта были большие глиняные сосуды — амфоры с вином или маслом. Но найдено их сравнительно немного. С Волыни привозили в Минск шиферные пряслица, из Прибалтики — янтарь. Янтарь представлен не только готовыми изделиями — крестиками и бусами, но и отдельными кусками. Можно думать, что он поступал в Минск в качестве сырья для местной переработки. В начале XIII века в город были завезены гребни, сделанные из самшита. Интересно, что ближайшим к Минску местом произрастания самшита является Кавказ. В одно время с самшитом был завезен грецкий орех.

В заключение следует отметить находку двусторонней свинцовой пломбочки. На лицевой стороне ее изображен Борис или Глеб, на обратной — крест. О таких пломбочках имеется обширная литература, но единого мнения о их назначении нет. Наиболее распространенным является представление о том, что их привешивали к различным товарам, экспортировавшимся на внешний рынок. Имеется, однако, мнение, что на Руси одно время ходили так называемые «меховые» деньги. Значение денег связкам мехов придавали привешивавшиеся к ним пломбы.

**Свинцовая
пломбочка**

Военное дело. В материалах раскопок Минского Замчища представлены в той или иной мере почти все виды известного на Руси вооружения, защитного оружия, снаряжения воина и боевого коня.

Важным и дорогим оружием ближнего боя является меч. В Минске найдено несколько частей от мечей — навершие и перекрестие рукоятки. Навершие сделано из железа, но поверхность его покрыта серебряной пластинкой. Одно перекрестие принадлежало сабле.

Вторым после меча в вооружении русского воина было копьё. Оно было гораздо дешевле меча и потому состояло на вооружении не только дружинников, но и менее состоятельных воинов из ремесленников и крестьян. При раскопках Замчища было найдено несколько наконечников копий, различающихся между собой по форме пера. Так, один наконечник имел длинное плоское перо с легким ребром и втулкой, которая насаживалась на деревянное древко. Нарядно был сделан наконечник с узким трехгранным пером. Нижняя часть пера, небольшой «барбанчик», соединявший перо со втулкой, и сама втулка были украшены инкрустацией. По краю втулки нанесена серебряная спираль, заключенная между двумя линиями. От вершины втулки к основанию спускались тонкие серебряные полоски, от которых в обе стороны симметрично ответвлялись спиралевидные завитки. Это, несомненно, дорогое копьё, по-видимому, принадлежало знатному воину.

Русское копьё имело два наконечника. Один боевой наконечник насаживался на передний ко-

нец древка и выполнял основную функцию копья. Другой, значительно более простой по своему устройству наконечник закреплялся на нижнем конце древка. В бою очень важно, чтобы древко было чистым и не скользило в руке. Поэтому на привале копье избегали класть на землю, а втыкали его. Второй наконечник называют втоком. Воткнутое в землю копье всегда было наготове, и древко оставалось чистым. Впрочем, при необходимости в бою можно было использовать и тыльную сторону копья. Несколько втоков было найдено при раскопках Минского Замчища. В составе русского вооружения известную роль играли металлические копья — сулицы с более короткими, чем у обычных копий, древками и более легкими наконечниками. Один наконечник сулицы был найден и в минских раскопках.

Интересна находка обломка костяной гирьки от кистеня. Гирька привязывалась к одному концу ремешка, второй конец которого укреплялся на кисти руки — отсюда и название кистеня. На гирьке были процарапаны два княжеских знака, один из которых, так называемый «двузубец», находит свое место в ряду родовых знаков ближайших потомков Владимира Святославича.

К оружию ближнего боя относятся и топоры. Несомненно, боевой топор был найден в Минске в слое XI века. Характерным признаком боевого топора является специальное отверстие на лезвии для ремешка, с помощью которого топор подвешивался к поясу воина. К разряду боевых следует отнести и найденный целый топор с рукояткой длиной 62 сантиметра. По мнению специалистов, длинная рукоятка является одним из признаков боевого топора. У рабочих топоров топорыше редко было длиннее 40 сантиметров.

Оружием дальнего боя был лук со стрелами. Наконечники стрел являются самой многочисленной находкой из предметов вооружения. В Минске их около 60. Бросается в глаза чрезвычайно разнообразие форм наконечников. Вместе с тем в них очень хорошо отражаются изменения, имевшие место в военном деле Руси. Появление новых типов стрел было обусловлено, прежде всего, усовершенствованием доспехов. Если в XI — начале XII века еще широко были распространены плоские наконечники стрел, с двумя шипами или ромбовидные, то в XII веке, в связи с совершенствованием защитного оружия, значительно возрастает количество узких граненых наконечников, специально предназначенных для пробивания брони.

Среди сравнительно многочисленной коллекции минских стрел трудно найти совершенно сходные между собой по типу образцы. Исключением представляется находка в слое XII века пяти одинаковых плоских двушипных наконечников стрел. Все они располагались недалеко друг от друга, что позволяет говорить о принад-

лежности их одному владельцу. Единообразие формы и условия нахождения свидетельствуют, по-видимому, о том, что они изготовлены были одним мастером-оружейником.

Стрелы носились в колчанах. В раскопках Замчища найдены три костяные петли от них и костяная орнаментированная накладка. Вся поверхность накладки украшена резьбой в виде волнистых линий, зигзагов, ромбиков, спирали, лепесткообразных крестиков. Наряду с русскими мотивами в орнаментации накладки присутствуют отчетливо выраженные черты, присущие искусству кочевников южно-русских степей. Имеется мнение, что мастером, изготовившим минскую накладку, мог быть половчин или торк.

Защитное оружие представлено в Минске находками обрывков кольчуг и пластинок от доспехов. Между прочим, до недавнего времени пластинчатый доспех считался не характерным для Руси, и только находки в Новгороде, Смоленске, на городище Хотомель (в Белоруссии) и других местах подтвердили древность этого вида защитного оружия. В Минске найдено несколько прямоугольных железных пластин с отверстиями, через которые они пришивались к кожаной или матерчатой основе доспеха. Одна пластина была от нарукавника.

Принадлежностью конных воинов являются железные шпоры. В Минске их найдено свыше тридцати. Наиболее распространены были шпоры с пирамидальным шипом. Очень интересна находка во дворе городской усадьбы двух совершенно одинаковых шпор с очень оригинальным

Удила
Шпоры
Стремя

устройством для крепления к ремню. Возможно, что они были специально зарыты владельцем. Распространено мнение, что всадник имел шпору только на одной ноге. Это доказывалось тем, что среди самых многочисленных коллекций шпор, происходящих из одного памятника трудно найти два одинаковых экземпляра. Минская находка позволяет предположить, что ношение только одной шпоры не было общим правилом.

Из предметов снаряжения верхового коня на Замчище найдены стремяна с широкой пяткой, очень удобной для мягкой обуви, которую тогда носили, и удила, состоящие преимущественно из двух железных колец и двух звеньев.

Раскопки на Минском Замчище показывают, что в военном деле Минск шел теми же путями, что и другие области Руси.

Как и когда возник Минск?

И

известно, что города появляются на определенной степени экономического и социального развития общества. Эпоха первобытнообщинного строя их не знала. Поселения того времени были представлены неукрепленными стоянками и селищами и

укрепленными городищами, на которых проживали люди, связанные узами кровного родства. Только в результате дальнейшего развития производительных сил, разложения первобытнообщинных отношений и возникновения классовых обществ появляются совершенно новые типы поселений — города, являвшиеся прежде всего местами сосредоточения ремесла и торговли. В основе появления русских городов было отделение ремесла от сельского хозяйства и утверждение феодализма как общественной формации. Однако эта общая социально-экономическая предпосылка появления городов не исключает большого разнообразия путей их происхождения. Русские города возникали по-разному.

В одних случаях в результате внутреннего развития в город превращалось старое дофеодалное поселение. В других — город формировался на базе нескольких сельских поселений путем концентрации в одном месте ремесла и переселения сюда ремесленников из окружающих сел. В основе третьих городов лежали феодальные усадьбы или княжеские крепости.

Только об очень немногих городах имеются летописные свидетельства, содержащие рассказ об их возникновении. При этом часто происхождение того или иного города связывается в них с деятельностью какого-нибудь князя. Так, по сообщению историка Татищева, пользовавшегося некоторыми из утраченных теперь летописями, полоцкий князь Борис Всеславич в честь своей победы над ятвягами в 1102 году поставил город и назвал его своим именем — Борисовом. Подобным образом, судя по летописи, возникли белорусские города Заславль, Каменец и другие. Но и такие свидетельства очень редки. Можно с полным правом сказать, что, за редким исключением, письменные источники не дают прямого ответа на вопрос о происхождении того или иного города. Между тем раскрытие конкретной исторической картины возникновения городов представляет несомненно большой научный и познавательный интерес.

До археологических раскопок возникновение Минска пытались объяснять, используя, с одной стороны, дожившие до наших времен легенды, с другой — вникая в смысловое значение самого названия города.

Из уст в уста передавался увлекательный

рассказ о сказочном основателе города богатыре и кудеснике Менеске, или Менеское, который будто бы построил на берегу Свислочи чудесную каменную мельницу «о семи колесах», где мука мололась не из хлебных зерен, а из камня. Никто никогда не видел Менеска в лицо. В полночь он разъезжал на мельнице по дорогам, набирая храбрую дружину из сильных мужей, которых селил возле своей мельницы. Из-за каменных стен его убежища слышны были по ночам странные крики, раздавалась музыка и песни.

Молва о разудалом и таинственном Менеске закрепилась в пословице, записанной еще в прошлом столетии: «Не пайду я да Менеска ад шляху Виленска; а пайду па шляху Виленском, спаткаюся з Менеском» (не пойду к Минску от дороги Виленской; а (если) пойду по дороге Виленской, встречу с Менеском).

Некоторые историки считали возможным приписывать основание Минска легендарному герою вроде Менеска. Другие—начало города связывали с развитием торговли. Особое торговое значение города, по их мнению, нашло отражение в самом названии Минска, происходящем якобы от глагола «менять». Третьи исследователи, анализируя название города, пришли, как мы уже говорили, к выводу о существовании древнего Минска за пределами его современной территории. Столь же неопределенно рещался вопрос и о времени возникновения Минска.

Археологические раскопки Минского Замчища сделали возможным заглянуть в самый начальный период истории города и поставить

решение вопроса о его происхождении на прочную основу достоверных фактов.

Каковы здесь возможности археологической науки? Как археология может решать вопрос о пути происхождения того или иного города? Во-первых, археологу совсем не трудно установить, возник ли город как укрепленный пункт или ему некоторое время предшествовало открытое неукрепленное поселение. Для этого нужно исследовать оборонительные сооружения. Если под земляным валом или слоем, связанным со строительством крепостной стены, окажется культурный слой, значит до того, как были возведены укрепления, здесь существовало поселение неукрепленное. Во-вторых, установление точной территории поселения, изучение особенностей укреплений и застройки, состава находок, связанных с самым начальным периодом его жизни, дает представление о самом характере поселения, раскрывает его социально-экономическую природу. Наконец, археология располагает теперь широкими возможностями для установления очень точных дат изучаемых слоев, сооружений, отдельных находок. Что же рассказали археологические материалы о возникновении Минска?

Раскопки восточной части минского кремля, являвшегося первоначальным ядром города, а также обследования примыкающих к нему территорий показали, что Минск возник сразу же как хорошо укрепленный пункт. Об этом, в частности, свидетельствует отсутствие культурного слоя, а следовательно остатков поселения под земляным валом крепости. Самые тщательные

раскопки на месте вала обнаружили едва заметные редкие угольки на нетронутом материковом песке, оставшиеся, вероятно, после расчистки территории под крепость первыми поселенцами или от костров и печей того времени, когда сооружался вал; а на это должно было уйти немало времени.

Несмотря на то, что археологическими раскопками была изучена полностью только примыкавшая к реке восточная часть крепости, составлявшая в общем-то значительно меньшую долю по отношению к остальной территории города, вывод об отсутствии предшествовавшего крепости более древнего поселения может быть распространен и на остальную ее часть. Если бы до сооружения крепости здесь существовало поселение, оно, несомненно, было бы замечено. Ведь наиболее удобным, если не единственным, местом для него была именно та примыкавшая к реке часть, на которой производились археологические раскопки. Несколько возвышаясь над окружающей местностью, она, по существу, являлась единственным незаболоченным участком этого района, а близость к реке давала ей дополнительные преимущества. Мы располагаем многочисленными примерами того, с какой тщательностью и разумностью выбирались места для поселений. Не могли быть пренебрежены и первые минчане. Едва ли они пренебрегли бы известными удобствами этого района.

Итак, Минск возник как хорошо укрепленное поселение. Относящиеся к тому времени археологические находки позволяют датировать сооружение крепости XI веком. Но, установив

факт возникновения Минска как укрепленного поселения, мы еще не отвечаем полностью на вопрос, как возник город. Для этого необходимо выяснить характер первоначального поселения. Дело в том, что древняя Русь знала несколько различных типов укрепленных поселений: имелись городища сельского населения, феодальные усадьбы, пограничные крепости, города. Разграничение их иногда представляет немалую трудность, несмотря на то, что каждое из этих укрепленных поселений имеет свои характерные признаки. Так, городища крестьян-общинников наиболее типичны для периода до сложения древнерусского государства, т. е. для VIII—IX веков. По своим размерам они были невелики — 60—150 метров в поперечнике. Хозяйственной основой таких городищ было сельскохозяйственное производство, и это находит свое выражение в материальной культуре, обнаруживаемой при археологических раскопках.

Феодальная усадьба имела одним из своих отличительных признаков относительно малые размеры жилой площади при непропорционально мощных укреплениях, придававших поселению часто правильный геометрический план. Как показывают археологические исследования, возникновение укрепленных замков феодалов приходится на Руси преимущественно на XI—XII века. Экономической основой господства феодала являлась его собственность на орудия и средства производства, что определяло его руководящую роль в сельскохозяйственном производстве. Археологический материал с феодальных усадеб подтверждает сельскохозяй-

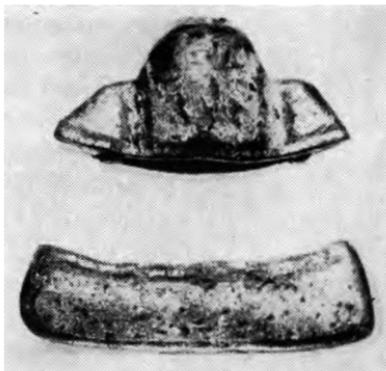
ственную основу таких поселений. Вместе с тем в силу того, что феодализовавшаяся знать была тесно связана с городской культурой, при раскопках обнаруживаются типичные недеревенские вещи, такие, как амфоры (специальные глиняные сосуды для привозного вина или масел), дорогие и сложные изделия городских ювелиров, отлитые в тончайших литейных формах, стеклянные браслеты и т. д.

Для городов, помимо особенностей материальной культуры, показывающей развитость различных ремесленных производств, характерным внешним признаком являются большие размеры поселения. Площади детинцев древнерусских городов, как правило, в несколько раз превышали площади феодальных усадеб, достигая нескольких тысяч квадратных метров.

К какому же типу укрепленных поселений относился первоначальный Минск?

Изучение всей совокупности материалов, полученных во время археологических раскопок Минского Замчища, дает нам, прежде всего, основание исключить мысль о возможности возникновения Минска на базе предшествовавшего ему сельского поселения.

Все, чем мы располагаем — отсутствие следов неукрепленного поселения, мощь и характер укреплений,

Детали
рукоятки меча

значительность территории, характер вещевого материала из ранних слоев, представленного типичными городскими находками (стеклянные браслеты, амфоры и т. д.), свидетельствует против предположения о деревенском характере первоначального поселения на Замчище.

По своему плану и особенностям оборонительных сооружений Минск являл собой пример нового типа появившихся на Руси укрепленных поселений, основу мощи которых составляли искусственные деревоземляные укрепления. Оборонительный вал с деревянной субструкцией и оригинальным решением проблемы защиты въезда в крепость окружил обширную площадь в 3 гектара. Уже одно это позволяет нам отрицательно отнестись к мнению о возможности возникновения Минска из боярской усадьбы, так как отсутствует один из основных признаков, присущих феодальной усадьбе,— незначительность укрепленной площади.

Сооружение мощного укрепления с периметром в 900 метров потребовало колоссального труда и множества рабочих рук. Уже в первые годы существования минской крепости проводятся работы по сооружению каменной церкви из материала явно не местного происхождения. Силами боярина такое строительство едва ли было осуществимо.

Интересные результаты дает анализ находок из ранних слоев Замчища. Обращает на себя внимание большое количество среди них предметов, связанных с военным бытом жителей древнего Минска, — оружие ближнего и даль-

него боя, фрагменты защитного оружия, предметы снаряжения конного воина и конская упряжь. Важно отметить, что большинство вещей, связанных с военным бытом, приходится на слой XI — первой половины XII века. Это обстоятельство свидетельствует о значительной роли воинов в начальной истории города.

Большие размеры укрепленной части города, мощь самих укреплений, значительный удельный вес оружия и предметов снаряжения конного воина в общей массе находок, происходящих из ранних слоев, позволяет прийти к выводу о военном характере первоначального поселения на Минском Замчище.

Летопись неоднократно сообщает о строительстве на Руси специальных военных крепостей. Так, под 988 год говорится о возведении Владимиром пограничных городков на левобережье Днепра, которые должны были служить целям защиты Руси от набегов степных кочевников. Вторая оборонительная линия была создана Ярославом Мудрым по реке Роси. Остатки этих небольших городков сохранились до сегодняшних дней.

С переходом Руси к феодальной раздробленности, с обособлением отдельных политически и экономически замкнутых княжеств в условиях непрерывных столкновений между князьями появилась необходимость в создании системы круговой обороны границ княжеств. Возникновение целого ряда таких крепостей — характерная черта политической карты Руси эпохи феодальной раздробленности.

Вывод о военном происхождении Минска на-

Наконечники
стрел

ходится в полном соответствии с характером письменных источников, освещающих политическое положение Полоцкого княжества и его отношения с другими русскими землями. Известно, что тенденции к политической обособленности развились в Полоцке очень рано. Еще при жизни Владимира там утвердилось самостоятельное колено Изяслава. Сын Изяслава Брячислав, по словам летописца, «вся дни живота своего» воевал с Ярославом Мудрым. Политику Брячислава продолжил его сын Всеслав, наиболее крупная фигура в истории Полоцкой земли. Уже при жизни имя его было овеяно славой и опоэтизировано легендой. Его кипучая энергия, личная отвага, беспокойная натура и полная приключений судьба объяснялись современниками вмешательством сил потусторонних. Слава Всеслава создала ему популярность среди различных социальных слоев Руси. В 1068 году восстание киевских низов сделало его даже на некоторое время киевским князем.

Начавшееся после смерти Ярослава Мудрого политическое дробление Руси еще более обособило Полоцкое княжество. Для проведения активной военной политики полоцкие князья нуждались в укреплении своих южных границ, в охране путей, ведших в Полоцк с юга и запада. Этим целям должно было служить, очевидно, и основание в середине XI века военной крепости Минска, поставленной на южной окраине Полоцкой земли, там, где когда-то проходила граница между племенами кривичей и дреговичей.

Впервые летопись упоминает Минск под

1067 годом. Однако дата первого упоминания вовсе не означает времени его возникновения. В этом году Минск просто уже существовал, но появиться он мог значительно раньше. Археологические находки подтверждают факт существования Минска в XI веке. Совершенствование приемов археологических исследований, обогащение их методами естественных наук, революционизировавшими археологическую хронологизацию, сделало возможным установление очень точных дат. Особенно поразительные результаты дает метод дендрохронологии, или метод определения времени по дереву, из которого возводились древние сооружения. Принцип его заключается в следующем. Среди множества причин, оказывающих влияние на рост дерева, важная роль принадлежит годичным колебаниям климата. Деревья одной породы, одновременно произрастающие в сходных природных и климатических условиях, могут в одинаковой степени реагировать на климатические изменения. Реакция эта проявляется в том, что в разные годы в зависимости от климатических условий вырастает кольцо разной толщины: в благоприятный год — широкое, в неблагоприятный — узкое. Колебания широких и узких годичных колец, выросших за одни и те же годы, у таких деревьев совпадают. Сравнивая между собой спилы с древних построек, по совпадению колебаний широких и узких колец можно определить не только постройки, срубленные из деревьев, произраставших в одно время, но и подсчитать с точностью до года, на сколько лет одни сооружения старше или моложе других, то есть воз-

можно установить относительную хронологию сооружений.

Хорошая сохранность древесины древних минских сооружений позволила сделать чрезвычайно интересные дендрохронологические наблюдения, связанные с началом Минска.

Мы уже говорили, что для укрепления вала минчане применили дерево, уложив в основании его несколько накатов. Вал был одним из самых древних сооружений Минска. Можно считать, что время возведения его означает одновременно и начало Минска. Если, следовательно, нам удастся установить год начала рубки деревьев на деревянную субструкцию вала, мы получим дату возникновения Минска как крепости.

Извлеченные при археологических раскопках бревна из вала были подвергнуты анализу. Оказалось, что дерево на вал рубилось в течение четырех лет. Следовательно, сооружение вала заняло не менее четырех лет. В каком же году начали рубить дерево на вал?

В ранних слоях Замчища при раскопках было обнаружено два больших пожарища. Один пожар произошел в самые первые годы существования Минска, второй, уничтоживший все постройки этой части города, был, судя по находкам, где-то в конце XI века. Из летописи известно о двух разорениях Минска в XI веке: первый раз в 1067 году войсками Ярославичей, другой — в 1085 году Владимиром Мономахом. Эти грозные события не могли пройти бесследно. Вполне логично связать с ними следы двух пожарищ, обнаруженных в слоях второй поло-

вины XI века. Следовательно, первый слой пожара можно датировать 1067 годом, второй — 1085 годом. Второй пожар, как показали дендрохронологические сопоставления, имел место через 22 года после начала рубки леса на оборонительный вал. Значит, отняв 22 года от 1085 года, мы получаем дату начала строительства минской крепости. Поскольку не обнаружено поселения, предшествовавшего здесь крепости, дата начала строительства оборонительных сооружений есть также и дата возникновения Минска. Это был 1063 год.

Мы рассказали об основных результатах археологического изучения Минска. Значение раскопок трудно переоценить. Всего несколько лет назад мы почти ничего не знали о древнейшем прошлом города. Несколько имен минских князей да упоминаний о событиях, связанных с княжескими распрями,— вот по существу все, что донесли до нас сохранившиеся летописи. Археологические раскопки раскрыли сложную и многогранную жизнь города, отраженную через предметы материальной культуры — орудия труда, бытовые вещи, сооружения, созданные и использовавшиеся древними минчанами. И в этом состоит замечательное своеобразие археологического источника. Не история князей и их взаимоотношений, а вызывающее восхищение разнообразное искусство народных умельцев, творивших в условиях феодального гнета, неурядиц и произвола, предстало перед нами.

Их руками была создана вся замечательная культура древнего Минска, они — главная сила материального производства, лежащего в основе исторического процесса.

Хотя археологические исследования велись преимущественно в пределах укрепленного детинца, они дали достаточно много материала по ремеслу, быту, искусству, планировке и застройке древнего города, еще раз подтвердив общий высокий уровень древнерусской культуры. И все же можно сказать: археологическое изучение Минска только начинается. Раскопанная часть по площади ничтожна к территории, еще не изученной. Можно себе представить, какие ценнейшие материалы еще ждут своего открытия и изучения. Нет сомнений, что дальнейшие исследования, особенно ремесленного посада, раскроют нам новые страницы славной истории Минска.

СОДЕРЖАНИЕ

Свидетельство современников	5
Где был древний город?	15
Облик древнего Минска	25
Хозяйство и быт древнего Минска	51
Как и когда возник Минск?.....	105

Загорульский, Эдуард Михайлович.

Древний Минск, Госиздат БССР, редакция
социально-экономической литературы, 1963.

9(СЗ)1

Редактор *П. Голубцова*

Художественный редактор *И. Славянин*

Технический редактор *Н. Степанова*

Корректор *Н. Наумова*

АТ 10016. Сдано в набор 22/IV 1963 г.
Подп. к печати 31/VIII 1963 г. Тираж 8700 экз.
Формат 70 X 1081/32. Физ. печ. л. 3,75, Усл.
печ. л. 5,13. Уч.-изд. л. 5. Зак. 251. Цена 24 коп.

Типография издательства «Звезда»,

Минск, Ленинский проспект, 79.